

Николай Фохт
Похмельная книга

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ПАХМЕЛЬНАЯ
КНИГА

Николай
ФОХТ

ОБОДРЯЮЩЕЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ
ПЬЮЩЕГО, ПИВШЕГО, СОБИРАЮЩЕГОСЯ ВЫПИТЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ПАХМЕЛЬНАЯ
КНИГА

Николай
ФОХТ

ОБОДРЯЮЩЕЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ
ПЬЮЩЕГО, ПИВШЕГО, СОБИРАЮЩЕГОСЯ ВЫПИТЬ

Николай Фохт

ПОХМЕЛЬНАЯ КНИГА

В двух частях

ОБОДРЯЮЩЕЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ПЬЮЩЕГО, ПИВШЕГО, СОБИРАЮЩЕГОСЯ ВЫПИТЬ

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПОХМЕЛЬНОЙ КНИГОЙ

Поразительная история – такой книги в России не было. Нет, конечно, были всякие рецепты, анекдоты про пьянства, правила этикета, рассуждения о том, что такое правильное питье, а что – неправильное, злостное. Никто не написал слов, которые бы ободрили пьющего, пившего, собирающегося выпить человека в эту, безусловно, трудную минуту его жизни. Один умный приятель парфразировал: не пить в России – больше, чем не пить. Представляете, что значит пить в России – насколько это больше! Но в местности, где алкогольное опьянение – философия, переходящая временами в самую ортодоксальную религию, к пьющим относятся с подозрением. Меня всегда восхищала манера отечественного гражданина пенять на собрата. «Ну, ты вчера дал! Ну, нажрался! Пить тебе совсем нельзя» – такую вот тираду любезный друг изложит утром своему собутыльнику. А вечером проповедник начнет застолье с двухсот водки, потом хряснет пол-литра портвешку, потом достанет заныканную бутылку пива и выпьет в туалете, потом побежит за сангрией и сам по дороге прикончит всю бутылку – забудет, куда ему надо было идти, заснет на лавочке в лесопарковой зоне и опоздает утром на важные переговоры, чтобы услышать выговор за поведение накануне – от вчерашнего униженного напарника. За что ругать пьяниц – не за что. С ним, с нами нужно поговорить нормально, не повышая тона, – глядишь и рассосется похмельный синдром, а человек в знак благодарности пропустит грядущее застолье и проведет вечер в кругу семьи, за чтением литературы по проращиванию помидорной рассады на подоконнике.

Чем меньше обращать внимание на пьянство, тем выгоднее оно будет выделяться на сером и пошлом фоне обыденной жизни.

Воспеть уставшего в трудах по расширению сознания старым дедовским способом – вот достойная цель. Смягчить последствия, примирить со сложившейся на утро обстановкой – цель этой книжки. Чтобы достичь требуемого оптимистического эффекта, необходимо:

- прочитать первую часть – «Гуляка»,
- прочитать вторую часть – «Пожиратель салатов».

Теперь можно считать, что вы опытный читатель Похмельной книги (назовем ее сокращенно ПК), и приступать к сложному способу употребления ПК. Еще раз читаем первую главу «Гуляки». Сразу перечитываем первую главу «Пожирателя салатов». Принцип простой: под определенный напиток – соответствующая закуска. Например, двенадцатая глава «Гуляки» легко сочетается с четвертой «Пожирателя салатов». Таких комбинаций бесчисленное множество. Главная задача – добиться того, чтобы Похмельная книга стала настольным чтением в каждой и без того крепкой семье. Вот и все слова напутствия. Ничего

не бойтесь, ни о чем не думайте – с головой пускайтесь в чтение. Это поможет в любую трудную минуту.

Рис. 1

«А не начать ли нам с малаги?» – Мужчины обсуждают карту вин в ресторане "Комета".

Часть первая. ГУЛЯКА. Алкогольные экспромты на трезвую голову

Глава 1. НАЗАД, К МЕНДЕЛЕЕВУ!

Настроение: решительное. – Время действия: всегда. – Место: Москва и Россия. – Полезные сведения: За что нас любят, откуда есть пошла земля русская, в чем наши проблемы мы, кто и почему придумал водку, кто такой Менделеев, зачем в водке должно быть 40 градусов, как самому приготовить настоящую русскую водку.

Тревога заставила взяться за перо. Утро начинается с переживаний, ночь обрывается кошмаром: тахикардия, хруст в суставах, насморк на нервной почве. Большая забота застила все разумные горизонты: как же так! Всю жизнь только на этом держались, живого человека в космос запустили, сколько войн выиграли, до последнего дня лечили совершенно бесплатно – и что же? Забыли...

Запомнили, что уж не знаю там откуда есть пошла земля русская, а шла она всю дорогу только за счет полнейшей своей одухотворенности, всеобъемлющего интереса к вечному. Гуляла всю жизнь Расея. Лес шумел, моря пеной вскипали, дрожали худосочные соседи – знали, что таких гулючих не уловишь, не поборешь их как следует, не убедишь в правоте. За редким исключением совались – да, затягивала их наша гульба по самую макушку, только косточку выплевывала. Горя не знали, горе хлебали, горем закусывали – и ничего, наутро как рукой снимало, еще и продолжения хотелось. А теперь? Откуда эта апатия, откуда вялость и непонятный рационализм? Где веселая песня, где утренний пересказ событий, от которого у слушателей дух захватывает и возникает желание повторить хотя бы десятую часть? Вот горюют некоторые, что уезжают, мол, девчонки за рубежи. А и правильно, чего же им не уезжать, если становимся мы похожи на всех остальных, только похуже, попомятее да «поскушнее» в новом этом своем трезвом качестве. Ведь за что любила тебя голубоглазая брюнетка, едва ступив за порог незабываемой «Метелицы», – за то, что собрал ты уже всех посетителей в одну кучу и почти уже уговорил переселиться в село Доброе за двести пятьдесят километров от Москвы, чтобы вести совместное хозяйство, пасти коров, слушать всей гурьбой петухов, растить детей в чистой экологической обстановке. И уговорил бы, если бы не вошла кареглазая длинноногая блондинка и не увела бы тебя на карнизы мироздания, по которым разгуливал ты, невзирая на высоту: по лезвию бритвы, по соболиной бровке, по родному краю! Любили за разгульность, небрежение завтрашним днем, за веселость и меткое слово.

Рис. 2

Популярный ученый Дм. Менделеев накануне великого открытия.

А пришло на смену другое поколеньице, и скурвилась действительность, померк восток, сгустился выдавший виды запад. Безо всяких указов беспечность и веселость стали порицаемы. Едва затянешь в вагоне метро песню, как вместо прежних улыбок получаешь одергивающие гримасы и мгновенную остановку состава. Жить стало трудно. Вот и потянулось перо, прикрученное на всякий случай к руке еще во время оно, к бумаге с целью крика: ау! Где вы, гусары и поручики, Афанасии Никитины московских переулков, летописцы своих ярких судеб? Давайте _ вместе, давайте разом, чтобы не рассеиваться и не отчаиваться, соберемся заочно и помянем хотя бы. Хотя бы докажем, что не зря, что и у нас было, что заявить на любой, самой внезапной таможне. Враки, что жизнь замерла, просочилась в предательски просверленные отверстия. Законы надо знать – ничто никуда не исчезает, потому что ниоткуда просто так не берется. Иногда достаточно знать, что где-то есть еще жизнь, бьет потускневший ключ, мчится в ночь такси, готовится очередное необъявленное вторжение. А там, глядишь, туман рассеется, выйдут в чистое поле табуны и заржут в один голос оду к проспавшейся за ночь родимой стороне.

Начнем с водки. Краеугольный камень, отправная точка, пункт назначения. Что делается сейчас с этим напитком, который, как известно, придумал великий химик Менделеев. Нет, конечно, не во сне он увидел химический состав жидкости, на долгие годы предопределившей судьбу его любимой страны, таблицы, дочери. В ясном уме, с микроскопом в руке вычислил он пути сложных формул и древних рецептов. Страшно верную штуку предсказал: водка обязана быть сорока градусов. А то раньше варьировали, как хотели: двадцать, тридцать, девяносто шесть. Но Менделеев своим авторитетом надавил на неверных и доказал, что только при данной концентрации продукт впитывается в мозг без остатка, головной боли, тошноты, изжоги и кругов под глазами. И вся беда в том, что нынешние винокуры забыли заветы вечно живого Менделеева. Меняют концентрацию, как хотят, плюс не пользуются березовыми угольками для очистки исходного сырья – спирта. Поэтому не надо пить ни «Терминатора», ни «Федора», ни даже «Мельникова» – баловство все это. Уж лучше «Русскую» московского розлива сдобрить парой лимонных корочек или

перегородочками от грецкого ореха, а и просто сунуть веточку укропа – но потерпеть придется день-другой. Зато напиток выйдет более-менее напоминающий. Ничего не могу поделаться, должен сказать пару добрых слов. Да, самая дорогая, но достойна цены. Я об «Абсолюте». Не знаю уж, кто нарисован на борту, наверное, Нобель (во всяком случае не истинный герой Менделеев), но это та водка, которая способна подвигнуть на серию беспрецедентных подвигов, продлить запой с четырех до семи дней. Единственно, что можно посоветовать, так это покупать сразу литр – в этом случае каждые пол-литра обходятся в полтора раза дешевле.

В этом месте – передышка. А то совсем было собрался потолковать, где лучше начинать беспроектную серию. Прерываюсь с тревогой в сердце, хотя и жду позывных. Можно просто выйти на балкон и крикнуть часов в пять утра, когда слышимость еще сравнима с видимостью, что все, мол, в порядке. Так хочется знать, что Земля еще вертится, и, следовательно, гуляют по ней люди, ногами перебирают.

Глава 2. УХМЫЛКА АЛЬТЭР ЭГО

Настроение: в бой! – Время: четыре дня не зима. – Место: Россия, в основном Москва. – Полезные сведения: запой – это хорошо; правильный запой – это очень хорошо; как определить, что ты алкоголик, и как им быстро стать; как определить, что ты запо й ный, и как им быстро стать; план дорогой запойной кампании (4 дня).

Молкнут звуки, меркнут краски. Нет-нет да и засосет под ложечкой, защемит под сердцем, тупой болью отзовется застарелая болезнь Шлятора под коленкой – в память о прошлых падениях. В такие минуты ищешь человека, чтобы довериться, влезешь в обстоятельства, где бы полностью раскрылся дюжий талант соучастия, всепонимания, невзирая на препятствия. Одним словом, время от времени хочется бросить все на фиг и загулять, запить, закурить так, чтобы дым стоял коромыслом, а нос был в табаке по самые уши.

Желание похвальное, потому что совершенно естественное. Его надо лелеять, периодически холить, но осуществлять таким образом, чтобы не пропадало оно месяца на два – на три, что сплошь и рядом. Грамотно надо действовать, до уровня подсознания довести некоторые сведения, технические приемы, разъяснить всему своему организму, как поступать в экстремальных ситуациях, по карте пройтись, отметив все горячие точки планеты, в которых предполагается оказаться в этот раз. Тогда вход в загул и выход из него принесут только удовольствие, а не только синяки и ссадины.

Глупости, что раньше было все по плану, а теперь свобода, рынок и джунгли. Джунгли, во-первых, каменные, рассортированные, пронумерованные и стоящие на картотеке в правительстве, не к ночи будет помянуто. Во-вторых, учет да контроль только-только начинаются и при новом обществе достигнут такого размаха, который не снился ни Бухарину, ни Дзержинскому. Землю расчертят на клеточки, поделают на графы и подзаголовки. Художественную литературу унифицируют до таблицы Брадиса. Но страну таким образом все-таки накормят, за счет собственной пшеницы, ржи, нефти, газа, соболя и большого количества уже не нужной нам мочевины. Значит, даже такая непредсказуемая вещь, как гульба, будет осуществляться по плану, готовиться заранее, проходить под аудиторским надзором. Предлагаю пару планов загульных кампаний, два проекта – как и принято теперь: для богатых и небогатых и просто веселых, смысленных, подвижных. Но перед этим – небольшое разъяснение.

Рис. 3

Возвращение из «дорогого» запоя.

Чтобы вообще когда-нибудь загулять, надо выяснить две вещи: алкоголик ли вы и если да, то запойный ли вы алкоголик? Конечно, приятнее всего работать с запойными – они податливы, как оконная замазка, как асфальт текучи на первой стадии, и жестки, хотя и ломки на последней. Ответ на первый вопрос находится легко: если вслед за ста пятьюдесятью граммами водки александровского или рязанского розлива вы выпиваете двести граммов любого сладкого портвейна (например, «Акстафа») и через двадцать пять минут не испытываете никаких позывов, вы – алкоголик. В противном случае требуется немедленное превращение в алкоголика – посредством повторения вышеуказанной операции вплоть до исчезновения позывов даже на следующее утро после эксперимента. Со второй проблемой еще проще: если самое сильное впечатление от всего вечера вы получаете в результате первых пятидесяти граммов крепкого алкогольного напитка (водка, коньяк, виски, джин без тоника), то вы безусловно запойный – и можно уходить, соответственно, в запой. Еще конечно же обмолвлюсь: проверено, что оптимальная продолжительность запоя – 4 дня. После начинаются безобразия – для непрофессионалов.

Первый проект, как я уже предупредил, для более обеспеченных запойных алкоголиков. В пятницу вечером выбрать необходимо недорогой, с неустойчивой репутацией ресторан.

Подговорить на это дело не более двух приятелей. Женщин не брать. В этот день употребление алкоголя выше среднего, но не максимальное. Пусть громко и фальшиво играет оркестр – это поле для разминки: заказ песен, приглашение дам из-за соседнего столика, поглаживание вокалистки по внутренней стороне бедра с обещанием выхода ее сольного компакт-диска в течение двух текущих декад. Скандал на кухне с уходящим шеф-поваром по поводу лобии и небольшая драка (без газового и холодного оружия) с кавалерами всех приглашенных дам немного взбодрят и отрезвят. Не забудьте, взяв своих друзей, переместиться в жилище (такси, автобусом, развозящим метростроевцев на ночную смену). Напитки покупаются, аналогичные ресторанным, закупка производится непосредственно из машины с помощью громких криков и резких, выразительных жестов – выходить из транспортного средства строго противопоказано. Рекомендуется продлить вечер до трех часов следующих суток, а затем лечь спать.

Второй день – решающий и самый ответственный. Лучше всего проснуться в том же составе, в котором ходили в ресторан. Рекомендуется недопивать оставшийся алкоголь – он пригодится на третий день, а сбегать за дорогим коньяком: одна-две бутылки будут в самый раз.

Предупреждаю, что маркетинговые исследования гласят: второй день наиболее финансовоемкий из всех дней кампании. После коньяка с легким завтраком следует выбрать самый дорогой ресторан, который вы можете себе позволить, отложить на следующий загул телефоны из вчерашнего ресторана и вызвонить самых красивых женщин, которые в данный момент находятся в пределах досягаемости вашего обаяния. В ресторане следует появиться не позднее 13.00 с дамами и друзьями. Тут и начинается самое интересное, то, что еще долгие годы будут вспоминать друзья, официанты и старший сержант ближайшего отделения милиции. Отключите контроль – автоматически включится подсознание, дав тем самым долгожданный роздых первому "я". Не бойтесь потерять лицо, закричав после первой же рюмки (что для многих явится неожиданностью): «То не ветер ветку клонит». Альтэрэго подхватит песню, со вселенской ухмылочкой дотянет ее до конца, стукнет кулаком по столу, потребует счета, увлечет всю компанию в пространство из времени. Мимо будут пролетать кабаки, лица метрдотелей, века, эпохи. Может быть, возникнет разрушенный дом утраченного веселого времени, может быть, электрический поезд завезет на станцию Калистово, к месту первой любви и просто замечательной природы. Будет ли это сыск грибов, сбор ягод или просто затянувшиеся объяснения с инспектором ГАИ – в этот день всяко лыко в строку. В этот день Бог с удовлетворением сохранит вас от всякого ущерба, а перед сном погладит по голове.

А вот третий день – день дьявола. Он абсолютно непредсказуем. Даже самые грамотные, забывая об оставшихся с первого дня граммах необходимого в данный момент алкоголя, бегут за бутылочным пивом. Никакие уговоры и цитаты из классики не помогают. Картинка смазывается, низменные инстинкты (они же основные) берут верх, и очень хорошо, если к концу дня вы окажетесь дома, еще лучше у подруги. Плохо, если у друга, который наверняка с похмелья будет неприветлив.

Четвертый день – переходный: вы постепенно втягиваетесь в дела, что поможет преодолеть абстинентный синдром. Нужно ли напоминать, что с первого до последнего дня у вас в карманах не должно быть никаких документов, кроме денег и ключей.

Глава 3. ЯППИ, GO HOME!

Настроение: демократическое и в бой! – Время: четыре дня не зимы и не лета. – Место: Москва, в основном Россия. – Полезные сведения: чем Серега лучше новых русских; план дешевой запойной кампании (4 дня).

Чем хвалишься ты, нюу рашн? Белым ли воротничком своим, органайзером, сотовой связью, малайзийским ли своим загаром, приобретенным совместно с секретаршей, втайне от обо всем подозревающей жены? Тем, что стирают и чистят зубы тебе старики Проктр и

Гэмбел, что лежат твои продукты в Калинке-Стокман, а ЛогоВАЗ чинит твои «мерседесы»? Этим ли гордишься, российское ты наше яппи? Так не подам тебе я своей символической руки, не стану слушать, как трудно, ценой импотенции и цирроза, доставались все эти первоначальные капиталы, не пойду на твою презентацию даже за порцией любимого бифитера со швепсом. А лучше стану гордиться знакомством с Серегой, который уж гулял – так гулял, лечил – так лечил. И цыган на Плешке раздобыл, домой их привел, чтобы пели они ему веселую и разлюбезную песню «Ручеек». Проснувшиеся соседи по коммунальной квартире милицию, конечно, вызвали, но к приезду наряда гуляли уже вместе с Серегой и цыганами, да так гуляли, что своим непосредственным поведением вовлекли в пьянку милиционеров. И уж, конечно, под самый занавес дали менты отходной залп из Калашниковых для ближнего городского боя по антеннам «Кросна» соседнего кооперативного дома. Цыгане за Серегину щедрость подарили ему пятнадцатилетнюю цыганку, которую в детстве украли на рынке в Таганроге у зазевавшихся родителей. Такой человек мне интересен, такой склад характера вызывает гордость и влечет к подражанию.

Рис. 4

Возвращение из «дешевого» запоя.

Собственно, был обещан план относительно недорогой гулянки. Приступим. На мой взгляд, оптимальным является команда из двух человек. Конечно, отыщутся и сменные элементы, но костяк должен быть немногочисленным немногословным. Безусловно, первый шаг-глоток следует сделать в пятницу утром, никак не днем и уж тем более не вечером. Дело предстоит большое, четырехдневное – с утра и сил побольше, да и вообще настроение получше. Место встречи, стартовая площадка, может быть любое, начиная с нейтральной квартиры одного из участников, кончая вторым этажом заброшенного дома на Петровском бульваре для любителей экзотики. Гораздо важнее подобрать стартовый напиток. Не боюсь показаться пошлым, но лучше всего подойдет портвейн: сухое коварно, водка жестковата для начала. Две бутылки – завязался прямой, добросердечный разговор. Портвейн открывает сердца, согревает мозги, придает упругость желаниям. Его можно пить весь этот день, только

маленькая хитрость: следить необходимо, чтобы выпивалось не более одной бутылки на двоих каждые полтора часа. При соблюдении условия успех гарантирован. Не мне объяснять, что затариваться портвейном на весь день не следует – он покупается в разных судьбоносных ваших точках, сорта сравниваются, цвет и прозрачность напитка приобретают тайную значительность, сахаристость говорит не меньше, чем прогноз Гидрометцентра. Сразу после старта возьмите да и посетите двух-трех забытых подруг. Пусть живут они на другом конце, пусть замужем – плевать, пошла циркуляция, есть контакт, запел мотор, и стальные серебряные крылья доставят в Выхино, без звонка, без цветов, зато с тремя бутылками «Карданахи» и многообещающими улыбками. И так станет все хорошо, что молодой муж Алеша сам нарежет колбасу, вскроет припасенные на Новый год маринованные помидоры и стаканы достанет из серванта хрустальные, а Маринку отошлет в ванную комнату привести себя в порядок. И такие пойдут разговоры, такая закрутит метель за окнами, такое звездное небо выползет в результате, что и не надо ничего лучше, лучше-то ничего и не бывает. И Алеша позовет завтра на шашлыки, а Маринка в одиннадцать часов вызвонит двух своих одноклассниц, а те придут, привлеченные энергичным фоновым смехом и запахом настоящего демисезонного застолья, которое открывает перспективы, которые и не снились выхинским девчатам, даже в восьмом, половозрелом классе. Но не вздумайте остаться, не разомлейте от «Скорпионз» и объятий люберчанок: сегодняшний день окончится в собственных постелях, краткий сон опустится вместе с лучами восходящего солнца. Так надо.

Второй день начнется внезапно, стремительно наберет обороты действительность, подхлестнутая ста пятьюдесятью граммами водки. Не беда, что вчерашний спутник сломался и не хочет продолжений – к лучшему. Разыщется новый напарник, более свежий, с новыми идеями, на которого к тому же можно будет положиться. Оговорюсь: цель загула данного типа состоит в максимальном охвате пространства путем проваливания в черные дыры времени. Напитки второго дня: водка – коньяк – водка или водка – водка – водка. Познайте сопротивление материалов, из которых вы сделаны, поспорьте с общественной моралью: распейте бутылку рядом с 17-м отделением, помочитесь у гротика в Александровском саду, поспите часик, прислонившись к памятнику великого поэта Пушкина на одноименной площади. Сколько ждет вас разговоров, сколько интереснейших людей пройдут перед вашими ясными очами, плотники откроют тайны ремесла, подполковники начертят схемы расположения пусковых установок военного поселения Софрино-2, отставная балерина тоже с удовольствием хлопнет стаканчик в счет вашего дня рождения, который, если все обойдется, состоится через семь месяцев и два дня. Силы оставят, но компаньон выполнит задачу – доставит все, что от вас останется, домой. Слава Богу!

Третий и четвертый дни – это пиво! Не бегайте в палатку, не употребляйте дома. Друг вчерашний и старина позавчерашний с удовольствием проводят вас в сидячий (!) пивной бар не очень далеко от дома. Вот тут и наступает кайф, апогей недорогой кампании: пиво, соленая закуска, шум кабака – мышцы расслабятся, лицо расплывется в улыбке, капнет подоспевшая слеза – так незаметно пролетят два дня. Без драк, без случайных половых связей, которые очень отягощают любой загул, без вытрезвителя кампания подойдет к концу. Ни сожаления, ни сомнений не будет – лишь сладкое похмелье: как в юности, когда почки еще справлялись, а мозг успевал анализировать ситуацию.

О мозге: не секрет, что самые большие муки, даже в ходе недолговечных загулов, приносят провалы памяти и безутешная абстиненция. Провалы памяти – сильнейший психический шок, переживаемый запойным алкоголиком каждое утро: что сделал, все ли живы? Есть у этого дела мажорное имя – синдром Корсакова. Об этом – в пятой главе, после лирического отступления.

Глава 4. БЕЛАЯ РЕКА

Настроение: лирическое. – Время: круглый год. – Место: Россия. – Полезные

сведения: никаких.

Течет река, впадает в море. В море входят тридцать три богатыря, волочат за собой дядьку Черномора. Богатыри идут молча, только сопение вырывается из-под усов, только железным позвякиванием пульсирует на животе кольчуга.

Богатыри идут не в Турцию – бредут они, чтобы не вернуться назад, чтобы слиться с кровавым закатом. Вскрикнет над безымянной могилой чайка, плеснет весло, вспенится водная гладь газовым пузырем, поднявшимся с маракотовой глубины. Суть подвига – неизвестна, зато отклик в сердцах перекроет рев Ниагары; зато, подражая богатырям, миллионы мужчин и женщин креативного возраста и средней мускулистости омоют ноги в Белой реке, зайдут «по шейку», с благодарностью воспримут полное погружение.

Поэт, как Чапаев с Петькой, пересекает воды Реки, успевая спеть песнь, нарисовать картину, поучаствовать в инсталляции. У Реки только один берег: не доплыть Чапаю, недорассказать Петьке последнего анекдота про Анку. Поэт, как Пушкин, стоит на берегу кипучей воды, уворачивается от брызг. Поэт хочет искупаться, но не подходит погода, да и нет состоятельной компании: а без денег и без компании – какое купание?

Я, кстати, знал одного поэта. Он приходил на стадион «Динамо» с полупрофессиональной «Ямахой» (жена тащила аккумулятор от разбитого соседского «Запорожца»). Его уважали за творчество. Было это давно, дело прошлое, но стихи остались:

***Что за жопа, что за яйца?
На поляне Жора Ярцев!***

Гусями Баяна заливалась «Ямаха», стадион скандировал популярные песни «Прети вумен» и «От тайги до британских морей». Но однажды, не выдержав публичного одиночества, славы и упрека супруги по поводу зарплаты в 46 рублей, поэт без паруса и ветрил, вообще без какого-либо киля бросился в мутные объятия Белой реки и сгинул: где он теперь распекает свои гимны – безмолвствует ноздреватое небо. Река вернула только поэтово тело, оболочку бывшего триумфатора. А тело молчит. Я сижу на берегу – мокрый, запыхавшийся после очередного заплыва. Чудом спасся, но не успеет просохнуть именная фуражка пограничника на горячей голове – Река тянется к пучине, обратно.

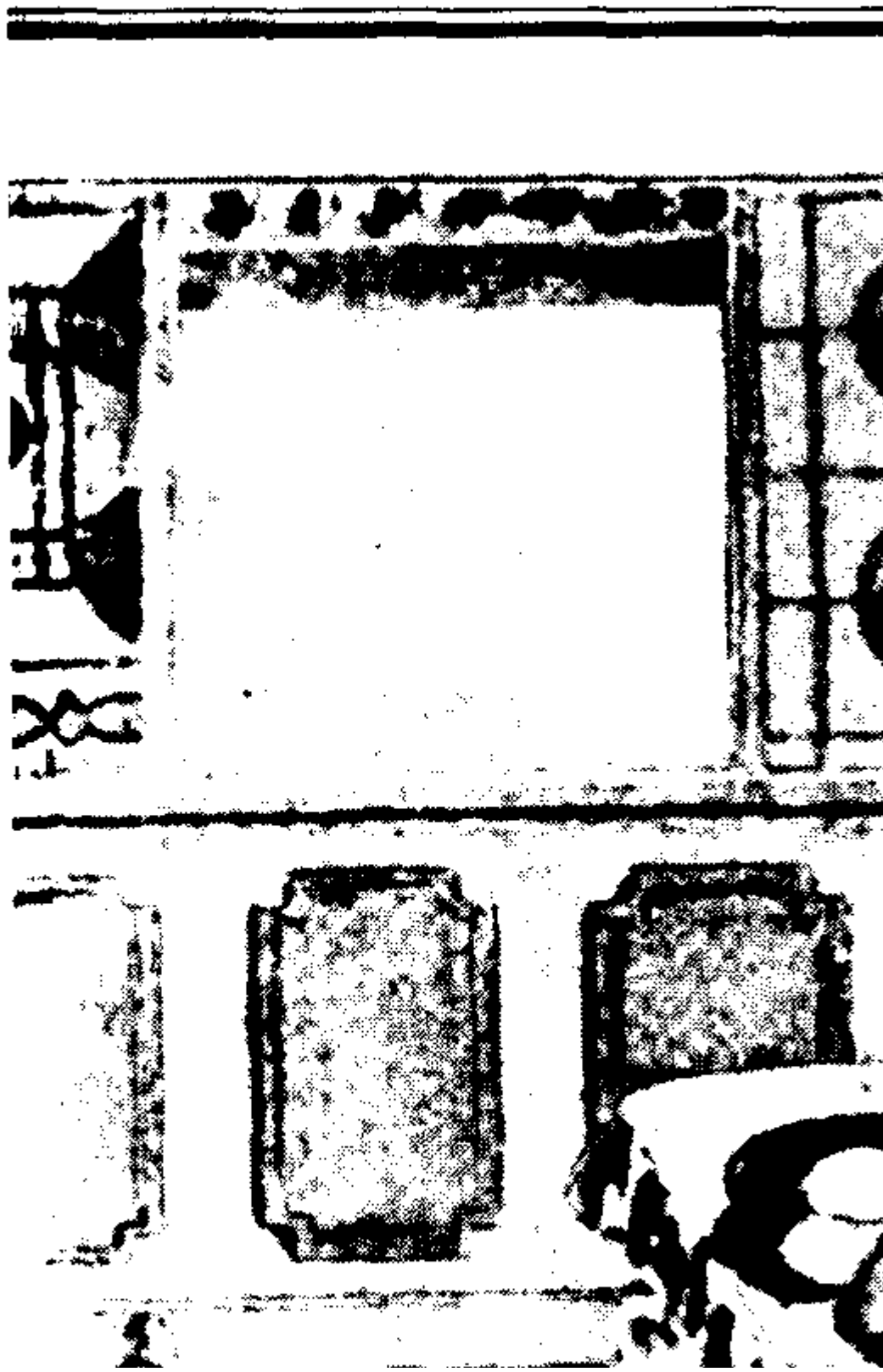
Рис. 5
На распутьи

Заповедный бор на берегу – медведи, суслики, можжевельник. Мы только что с могилы поэта, пригубить успели шесть бутылок сухого. Видели, как родная сестра великой поэтессы возложила цветы на могилку великого поэта – кто ж такое вытерпит на трезвую голову! Затем, конечно, было теряние в зарослях папоротника, заигрывание с вахтершами Дома творчества, попытка снять майку с целью загара – все это и привело на бережок, усыпанный пластмассовыми пробками, прошлогодними календариками, полиэтиленовое покрытие которых не смогла переварить даже насквозь отравленная подмосковная почва. Мы тогда думали, что сидим себе, говорим о стихах, напеваем песенку, закусываем белым хлебом кровь винограда. Мы заблуждались. Со стороны наше бодрствование выглядело так: Юрец давно уже лежал вниз лицом и тревожно молчал; Толик как ответственный виночерпий медленно сползал по влажной от росы траве к водоему, а я зацепился левой рукой за сук и в этом устойчивом положении единственный из всей компании наблюдал перелет уток в южные широты.

Белая река, белое братство, белое сестринство. Мне ностальгически жаль время, когда сухими выходили из этой Реки, я завидую гребцам на надувных галерах, которые без страха минуют пороги и подводные течения, уныривают из водоворотов, плюют на частых в этой местности харонов. Но время ушло, настала пора отваров из трав многолетних растений, время козьего молока и овечьего сыра. Товарищи приносят в дом зелень, жирную рыбу и дополнительные табуретки – стулья ломаются стремительно. По усталым лицам я понимаю, что год прожит не зря, урожай убран богатый, семьи разрослись на одного человека – в

каждой. И только я, недавно ступивший на родную землю из дальнего маршрута, не способен не только прорастить зернышко ячменя, но и укрепить семью, доставить удовольствие жене, купить красную машину несостоявшемуся сыну, завязать бантик на пушистой головке зеленоглазой дочки. Но друзья есть друзья, они знают способ: лунным маем, дождавшись, когда рассада помидоров даст первые зеленые побеги, товарищи берут меня в Варшавские бани, кладут на полоки и растирают свежайшим квасом. Потом – в парилку. И после настоящего пара в предбаннике – порция непитьевого, с хреном и медом кваса. Всего несколько глотков – и силы возвращаются. Их хватит на многое, еще на очень многое. В общее отделение входят заботливо припасенные девушки, друзья вежливо покидают баню на трое суток...

Так в грезах происходит возрождение, полная реабилитация. Воды Белой реки омывают только берега ночных кошмаров. Плакучие ивы склоняются к прозрачной воде, лошади пьют из Реки забвения и дико ржут в ответ на залиvistые трели соловья. По румяным щекам катятся слезы-виноградины, над Рекой встает солнце, и чудится, мерещится очертание иного, второго берега...

Глава 5. НЕ ЛЮБИЛ. НЕ УБИЛ

Настроение: бодрое. – Время: с утра. – Место: личная постель, в основном Россия. – Полезные сведения: как называется, когда не помнишь, что было накануне; как это назы вается у врачей; хорошо, что это не совсем то, о чем речь; как определить, дрался ли ты вчера; как определить, любил ли ты вчера; в любом случае ничего страшного и почему.

Вернемся к мозгу. Но прежде необходимо уточнить: самые смелые, наиболее мужественные люди на планете – алкоголики. Это какой же нервной системой надо обладать, чтобы наутро появиться в присутственном месте с улыбочкой, раскланяться с начальником, отдать последнюю мятную конфетку машинистке – быть комильфо, а в то же время таить в душе плотную уверенность, что вчера, с десяти вечера до пяти утра, были подожжены два жилых помещения, убиты пять постовых, изнасилованы две подружки и пущен под откос состав с гуманитарной помощью для голодающих младенцев Сомали! Провалы памяти (как я уже докладывал выше, синдром Корсакова), переходящие в абстиненцию, ставили на грань белой горячки не одно поколение; не один толковый повеса, бонвиван и гусар сошел с дорожки, не совладав с мощнейшими угрызениями совести и всепожирающим страхом расплаты за мнимое содеянное. А чаще всего на ровном месте возникают угрызения, частенько гордиться ими приходится в будущем, а не стесняться. На фундаменте сегодняшних переживаний и утренних извинений за испорченную лампочку в туалете и нервно сказанное лишнее слово строятся легенды, слагаются саги и рождаются эпосы, возгорается нимб над головой.

И все-таки относиться к синдрому Корсакова надо осторожно и с уважением. Наука в лице одного знакомого уролога разъяснила, что признаки синдрома Корсакова у алкоголиков – детский лепет по сравнению с настоящей болезнью. Хорошо выпивший, а иногда и закусивший человек просто не помнит, что с ним было. Конечно, в здравом уме, то есть опохмелившись, он переживает потерю некоторой части своего лица, горюет о явно обозначившейся деградации, навязчиво пристает к остальным участникам процесса за разъяснениями (а отнюдь не за утешениями, как думают многие: утреннему человеку не важно, как он сделал, ему важно, что он делал – для восстановления причинно-следственной связи, а иногда и просто из любопытства). А больной уже ничего наутро не спрашивает – он додумывает все сам, а додумав, впадает в полнейшую уверенность, что так оно и было – не переубедить. Из чего следует, что тривиальному алкоголику хуже нет звонить поутру обладателю настоящего синдрома Корсакова – можно такое узнать!

Лучше всего заниматься аутотерапией. Ну, например, кажется вам, что вчера, выходя из гостей (осталось в сознании), вы на коротком отрезке в 300 метров (из сознания стерто намертво) избili ветерана войны, и, собственно, поэтому утром вам так плохо. Ничего подобного: плохо потому, что у станции метро «Тульская» вами из ложного ухарства была куплена бутылка «Жигулевского» десятидневной давности и распита на месте. Именно прокисшее пиво стерло ценную информацию. Убедиться же, что в драках вы не участвовали, можно, посмотрев на костяшки пальцев: любая, самая незначительная схватка оставляет на костяшках ссадины. Если ссадин нет, гляньте в зеркало – даже наличие синяка под глазом свидетельствует, что не вы били, а вас, следовательно, беспокоиться нечего, совесть чиста. Разбитые локти и колени красноречиво говорят о степени опьянения – скорее всего, при ходьбе вы припадали то на локоть, то на колено, то задевали плечом фонарные столбы и прочие муниципальные излишества.

Нередко утром возникает и половой вопрос в довольно пикантной постановке: было или не было. Это уж совсем просто, тут действует закон. Он прост и притягателен быстротой

разрешения любых сомнений: если вы не помните хотя бы одного момента самого акта, значит акта не было. Кстати, закон этот действителен для любой экстренной ситуации: если вы не помните хотя бы одного фрагмента нештатных событий, значит этих событий не было, а все страхи на совести больного, непохмеленного воображения.

Предлагается следующий путь восстановления картины вчерашней жизни. Открываются глаза, и тут же захлестывает чувство вины, страха, стыда, появляется желание больше не пить, уехать подальше, жениться на первой жене, стать прапорщиком в Ташкенте, жить скромно, никогда вообще не выходить из дому, быстрее заснуть еще на, сутки. Лягте на спину, откройте глаза. Примените вышеописанный закон экстренных ситуаций, убедитесь, что никого не убили, никого не любили этой ночью. Затем тщательно осмотрите тело – это должно принести радость (мелкие царапины, синячки – вот и все, что есть).

Потихонечку надо встать – проверить документы (если вы, конечно, пренебрегли моими советами гулять без документов). Деньги можно не проверять – по их количеству все равно ничего выяснить не удастся. Предположим, все на месте – считайте, что вышли сухим из воды (что и бывает в подавляющем числе случаев). Но вы разохотились и желаете оперировать нюансами: каким, например, образом с Верхней Масловки вы очутились на станции Поваровка и только потом на дрезине за таинственную сумму обнаружили себя на Ленинградском вокзале в объятиях существа женского пола за сумму не менее загадочную. Но не спешите бежать к телефону и звонить хозяйке вечера, которую, как выяснится потом, вы весь вечер заставляли с собой целоваться. Сначала сходите в магазин за красным сухим вином, сыром и ветчиной. Два стакана и быстрый легкий завтрак ветчиной и сыром – вот вы и готовы слушать подробности. Только теперь они воспримутся адекватно. А возможно, заинтригованная вашим вчерашним поведением хозяйка пригласит на кружку пива под предлогом более подробного, а заодно и совместного восстановления изрядно поизносившейся минувшей реальности – а что, поезжайте, приятный диалог еще никому не вредил в подобной ситуации.

Одно можно сказать – никогда не впадайте в уныние. Даже если что-то страшное и произошло (вы плюнули на паркетный пол, ударили в нос таксиста, проспали свою станцию), дело сделано, не вернешь. Главное, все остались живы, включая, как ни странно, и вас.

Рис. 7

Больной синдромом Корсакова вспоминает, что с ним было вчера

Глава 6. БОЛЬШАЯ ЩЕЛОЧЬ

Настроение: возбужденное. – Время: начало осени. – Место: улицы и дома столицы. – Полезные сведения: за что можно полюбить осень; как обмануть гаишника, чтобы прибор не определил наличие алкоголя в выдохе; как сделать спутницу счастливой прямо с утра; как объяснить грузчикам значение слова "нонконформист"; как вернуться домой.

Осень, цыплята... Прежние личности возвращаются на бульвары, выныривают из сизого тумана новые лица. Внутри покойно, снаружи оживленно. Вечная гармония конца жизни – жизни целого года.

Непростительная сентиментальность в наступившие дни органична, слезы на глазах – простительны, нечеловеческая лень приносит сплошные дивиденды. Не сходя с насиженного места, прилагая минимум для выяснения, что за погода за пределами жилья, хочется объять мир, сообщить ему на ушко пару откровений, распить на брудершафт несколько запотевших штофов водки, виски, джина, закуривая каждый стакан трубкой мира.

Звонкое, синее небо в опасной близости от бедной головы, в черепной коробке которой спутались немногочисленные тропинки, ведущие в лес – по грибы-дрова. Упоительное междометие, головокружительное покачивание на грани трезвости и глубокого, как само раскаяние, опьянения. За что и люблю. Так сохраним же, так приложим же любые силы, чтобы сберечь огонек легкоплавкой свечи. Потребуются лишь остатки памяти, наскребанные по сусекам здравого смысла, и добрая воля – поделиться, не утаить лишнего для ближнего.

Был случай. Автомобилист, любитель – того и этого, – знаток. Однажды, может быть, даже осенью, возвращался, естественно, ночью, пьяный, само собой, на машине. Куда возвращался, неизвестно, потому что абсолютно неважно. Может быть, что-то насвистывал по дороге, возможно, поглаживал полированный набалдашник штыря коробки передачи вместо воображаемого колена Ольги, жены приятеля, даже не приятеля – знакомого. Сегодня вечером Ольга неожиданно (если не считать выпитой ею бутылки шампанского) плотно прижалась в прихожей, выйдя из туалета, а после опустила под столом, под скатертью, горячую сухую ладонь на бедро нашего автомобилиста и время от времени, синхронно тостам мужа-тамады, сжимала хорошо осязаемый внутренний шов австрийских брюк: красивые, серые, полушерстяные, новые, подарок. Зрели планы, но внезапно у Манежа автомобилиста, вернее, любителя, тормознул гаишник. Любитель выполз из семерки и дыхнул себе под ноги, чтобы не смущать и без того подозрительного госавтоинспектора. Но упругий выдох отразился от асфальта и, как шар от борта, ударился в инспекторское лицо. «В нетрезвом состоянии?» – вопрос с угрозой. «Никогда!» – ответ с вызовом. «Не стыдно?» – недоуменно. «Давай дуну» – отчаянно. «Дунешь, дунешь» – с раздражением.

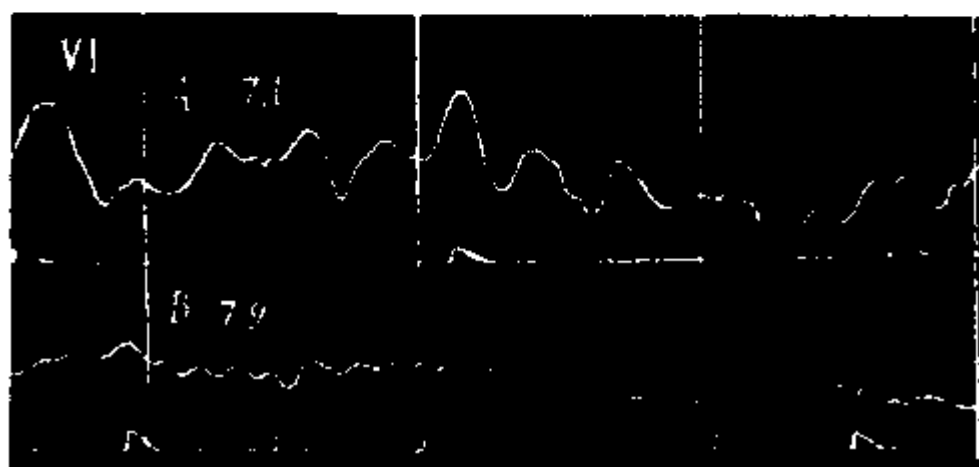
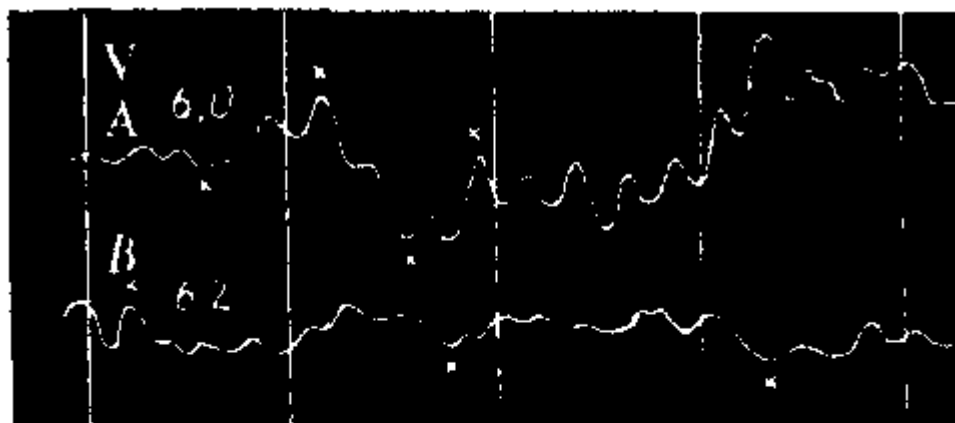

Рис. 8

V A: кривая вербального тракта до употребления; B: после употребления 80 граммов спирта «Роял».

В пункте выдувания алкоголя из водителей наш герой запросился в туалет. Там-то, у зеркала, знаток и выдумал головокружительную по красоте и непревзойденную по практическому эффекту комбинацию. Мысль работала толчками. "Блевать не имеет смысла. Любые признаки алкоголя в крови – позор. Алкоголь – химия. Химия органическая. Алкоголь – спирт. Спирт этиловый.

Кольца бензола – не то. Спирт этиловый – кислота. Кислоту нейтрализует щелочь. Школьная лабораторная работа по получению мыла из щелочи. Мыло – это щелочь, мыло – это спасение". Мыло, хозяйственное, немыльного коричневого цвета, лежало под рукой. Не раздумывая, не зажмуривая глаз, проглотил кусок. Не знаю, что уж там чувствовал человек, полакомившийся хозяйственной принадлежностью, но алкоголя прибор не показал. Щелочь сделала свое дело.

Жрать мыло – не самое увлекательное занятие в этой жизни. Понимаю. Поэтому и не надо – щелочи вокруг хоть завались-залеяся. Правда, есть тонкости. Существует небезызвестный препарат алкозельтцер. В нем тоже упрятана щелочь. Умники предлагают пить по утрам. Но мы идем другим путем: таблетку необходимо употребить на ночь. Дело в том, что специалист по алкогольным проблемам и их осложнениям врач Дмитрий Карасик с научной точки зрения трактовал похмелье так: оно возникает исключительно потому, что организм засыпает пьяным. А наша задача – заставить его забыться сном в частично вытрезвленном положении. Для этого и пьется алкозельт-цер на ночь – щелочь по известной мыльной схеме убивает алкоголь, и просыпаетесь вы трезвым, но с головной болью, которую спокойно можно вылечить аспирином. Если нет под рукой импортного патентованного

средства – еще лучше. Питьевая сода в стакане кипяченой воды даст не менее сильный эффект.

Если щелочные ванны пропущены или не подействовали, вопрос опохмела встает в своем пошлом величии. Сто первый раз повторю: никакого пива – подобное подобным. Если подобного нет или забыто, каким оно было вчера, – только коньяк. Небезызвестный уже доктор Карасик в качестве опохмела предлагает шоколад – причем в больших количествах. Шоколад, по Карасику, может также вылечить и от наркомании – но обойдется это значительно дороже, чем коньяк.

Рис. 9

Истина в вине "Акстафа".

Вместе с коньяком поутру необходимо купить розы. Не для закуски – обязательно в вашей постели находится существо, которое обожает и коньяк, и цветы. У роз, перед тем как бросить их под одеяло, рекомендуется поотколупывать шипы. Сто граммов коньяку, аромат цветов – подруга будет в диком восторге, если он, конечно, вам нужен. Без роз восторга не будет, но с коньяком будет тихая радость, переходящая в мирный сон.

Пока девушка спит, нужно идти погулять. Кроме обычных приключений – встреча со старой знакомой и короткая, но интенсивная беседа во дворике соседнего дома под остатки коньяка; проводы знакомой на Казанский вокзал; объяснение грузчикам значения слова «нонконформист» под новый коньяк – наверняка состоится свидание с милиционером. Утренние алкоголики вызывают зависть даже у стражей порядка. Чтобы погасить острое желание блюстителя упрятать вас в КПЗ, при себе иметь: паспорт, на страничках которого записаны имена некоторых любовниц, половину всех наличных денег, подтверждающих кредитоспособность, остатки второго коньяка – выпить с милиционером не грех в этой ситуации, если, конечно, приурочить беседу к мягкому, необходимому разъяснению значения слова «конформист».

Такси доставит до дому, надежды на то, что подруга свалила, не оправдаются – третья бутылка коньяка топорщится из кармана повидавшей виды одежды. Дальше живописать не могу: душат слезы, слышны позывы иных, пройденных миров, умываю руки, лицо.

...Пустую бутылку, в которой содержатся остатки коньяка и послание всем людям, которые ходят на помойку под моими окнами, выброшу в распахнутую форточку. Налью чернил, выпью – естественно, заплачу. Осень золотая, кто тебя выдумал, куда ты несешься? Молчи, бля, не давай ответа никому.

Глава 7. ДОКТОР НЕ ЛЕЧИТ МЕДСЕСТЕР

Настроение: очень грустно. – Время: ранняя зима. – Место: приемные покои. – Поле зные сведения: почему иногда жить не хочется; почему женщины большие алкоголики, чем мужчины; несколько советов им, женщинам.

Доктор поступил верно. Когда дождь сменился снегом, макинтоши шубами и деньги кончились внезапно, как осень, врач вернулся в поликлинику, открыл процедурный кабинет, повесил на капельницу литровую банку спирта. Настоящего, неразбавленного, медицинского. И лег под капельницу, и нашел привычным движением вену, и повернул краник. Он умер через четыре часа – во сне, в состоянии алкогольного опьянения, тихо и спокойно.

Сезон сменяет сезон, женщина женщину – не находишься в рюмочную в пяти минутах ходьбы от подъезда. Грустно становится от невозможности сохранить тепло, вызванное джин-тоником. Страшно бывает, когда осознаешь, что вчерашняя радость истлела и вероломно обмануло застолье – ведь казалось уже, что большинство вопросов разрешились, что люди наконец-то подобрались достойные больших дел, и назавтра планировалась поездка во Псков или в Таганрог на худой конец – за раками.

Но раки расплзлись, как дороги, пиво высохло, как Арал, все кончилось, как жизнь. Непрерывности процесса достиг только доктор – без закуски, без компании. Не было даже медсестры, чтобы как следует простерилизовать иголку, спеть прощальную колыбельную, укутать казенным полушерстяным одеялом. Однако, может, и правильно, что обошелся доктор без сестры. Не дала бы она умереть спокойно. Не разделила бы душевной драмы: наверняка, заприметив знакомую бутылку, стала бы на стол собирать, доставать свои вечные мензурки, запирает дверь, чтобы дежурный санитар не испортил, как ей казалось, пьянки. Конечно, таким образом она спасла бы неплохого, в сущности, дерматолога от вечного сна – в обмен на очередное похмельное пиво из ближайшего киоска.

Тяга женщин (не только медицинских работников) превращать гамлетовские вопросы в ответы третьеклассника не раздражает только глубокой ночью, когда не слышно шума ветра и писка промерзшей сигнализации на новом БМВ соседа. К тому же, говорят, женщины самые сильные, самые надежные алкоголики в мире. Вполне возможно. Фанатизм, порожденный, как правило, абсолютным непониманием такого тонкого, многозначного предмета, как алкоголизм, помогает преодолеть некоторые барьеры, нарушить правила игры и за счет этого вырваться вперед на полкорпуса.

Рис. 10

Девушка смешивает пиво с водкой. Ученые вычислили, что «ерш» был известен россиянам уже в четвертом веке н.э.

Но что это даст? Какие разочарования поджидают женщин и девушек в этом полном буераков и страшных берлог алкогольном мире! Подчас лишняя рюмка крепкого напитка или неумеренный глоток утреннего пива со льда ведет к деградации, новой путанице в голове, запущению дел и домашнего хозяйства. Когда непосредственно сталкиваешься с проблемой, невольно задумываешься: на кой? Не лучше ли, добившись первого блеска в глазах после семидесяти граммов «Мартини», сконцентрироваться на десерте? Я помню этих незадачливых соседок по столу, которые вполне официально заявляли, что они не пьянеют от водки. «Такой, знаете, у меня организм интересный – ну не берет водка меня. Вот и сейчас, – выпила и ничего. И сейчас, и сейчас и…» Чего же можно ожидать в дальнейшем? Правильно, нечего ожидать. В лучшем случае это окажется подружка хозяйки или одноклассницы: волочить тело недалеко.

Бороться сложно – женщина в алкоголизме чувствует себя более психически устойчиво

и здоровее. Уговоры не помогают, страшные примеры собственного опыта не доходят – приходится ни свет ни заря бежать за шведским пивом «Припс», готовить горячие бутерброды и уменьшать громкость радиоприемника, чтобы слышать распоряжения и различать новые пожелания относительно дальнейших планов на день.

Доктор поступил мудро. Время от времени силы оставляют сильных и упрямых. В такие моменты хочется принять горячую хвойную ванну, усилием воли сменить ноябрь на июль. Развязный тон хмельного плейбоя срывается на голос тихого мальчика. И никаких медсестер: только трезвая мама – из прошлого, другого времени.

Глава 8. ЛИНИЯ ОТРЫВА

Настроение: праздничное. – Время: Новый год!–Место: центр Москвы. – Полезные сведения: кто такой Дед Мороз на самом деле; откуда он берется; как правильно пить водку и чем ее закусывать на примере Деда Мороза; предсказать можно только любовь.

Дед Мороз явился, когда я еще лежал в новогодней постели и переживал наступление новой эры, следующего, ледящего душу отрезка беспокойного времени. Как всегда от него пахло водками "Smirnoff" и «Финляндия», в остекленевших глазах стояла прошлогодняя Снегурочка. Вид у старика был унылый, виноватый, мешок опустел, праздничный грим потек. «Ну что, – подбодрил я бедолагу несложным вопросом, – как там в Лапландии, незабываемой твоей Чухонии. Легок ли был путь, договорился ли с пограничниками у Калевалы?» Дед зашевелил губами, засучил ногами, сделал, одним словом, попытку общения. Пришлось встать и бодрым шагом пробежаться до холодильника.

Через пятнадцать минут мы уже сидели за столом. Запотевшим от умиления взглядом наблюдал Дед охлажденную бутылку новой для него водки «Граф Виктор», прикидывал упругость соленых огурцов, предвкушал поскрипывание на зубах квашеной капусты – гадал рынок, с которого прибыли солености и мочености. Лафитники заполнились на семьдесят граммов, иней выступил на наследном русском стекле – Дед Мороз первый раз за весь Новый год улыбнулся.

Но разве мог оставить я гостя без горячей утренней закуски. На скорую руку – ординарные пельмени, запеченные в горшочке с луком, сметаной и солеными груздями. Оценил старикан, рассупонился, именной вальтер положил на стол в знак особого расположения. Отдаю должное – пьет новогодний путешественник красиво: крепко, но с уважением берет рюмку за ножку, подносит ко рту, а не голову клонит, коротким движением закидывает водку в организм. При этом не производит лишних звуков – не крикает, не мычит, не комментирует событие. Молча дожидается проникновения водки в желудок, держит паузу до появления характерного приятного жжения в пищеводе и лишь после этого руками (не вилкой) берет огурец и им, прикрыв глаза, хрумкает, вдумчиво жует, смешивая послевкусие «Виктора» с ароматом домашнего рассола, смиренно проглатывает огурец.

Рис. 11

В дверь стучится Санта-Клаус.

Самое время расспросить о будущем – какие новости готовит наступивший год, каков градус виражей, уготовленных в будущем времени, где пройдет линия отрыва – стартовая черта очередных безумств, веселья, беспочвенной радости и короткой не подкрепленной расположением звезд любви. Трудная задача у Деда Мороза, упрямо вперяет он взгляд в туман грядущего – в глазах играют отблески фестивальных пожаров, олимпийских огней, губы беззвучно шепчут величины повышенных акцизов на алкогольные напитки. Разводит старик руками – затрудняется ответить на животрепещущий вопрос, сгорает со стыда от незнания рынка, от недостаточной осведомленности об умонастроениях людей в отличные от Нового года дни.

Можно его понять. Судит бедолага по кабакам с иноземными названиями, по пабам. Ближе всего к народу Дед Мороз находился в рублевом баре «Гессер», что в ЦУМе. До ночи засиживался под потухшими взглядами проституток, предлагавших себя на роль Снегурочек в интуристовском «Левенброе», ходил смотреть журналистов в «Ньюз паб» – заведение с темным и светлым «Хайникеном», бутербродами, блади мери и прочими знакомыми лапландцу штуками. Не обошлось без «Айриш хауса», где и закупал старик новогодние подарки для ограниченного контингента малышей нашей страны: в баре оскоромился «Гиннесом» и светлым «Карлсбергом», раздувая сладковатый дымок марихуаны. С утра пытался позавтракать в «Капучино» на Никитском бульваре – радовался, когда вместе с

пиццей принесли «пятьдесят» «Абсолюта» в рюмочке с ручкой – вот и все бульварное кольцо Деда Мороза, все его знания, весь опыт. Невдомек ему, что даже в «Красном льве» не примут у него наличную валюту – только рубли.

А откуда у старика рубли? Где он разыщет тот пункт, в котором согласятся поменять ветхие купюры, надорванные непростым путешествием банкноты? Обманут старика, высосут хард каренси, отправят на родину поездом, а не самолетом, как обещала туристская фирма, специализирующаяся на дедах морозах.

Вот так и приходится самому учить уму-разуму старшего, ловить для него такси и отправлять в Шереметьево-2. Пусто за столом, закуска съедена, водка выпита, елка осыпалась от дыхания ледяного гостя. Линия отрыва отодвинулась на очередные несколько метров, упряталась в тумане. И значит, оперативная задача ясна: при помощи биноклей, секстантов, астролябий, фонариков разыскать и прочертить ее по новой, выданной в районном отделении милиции контурной карте персональных загулов и личных безобразий. И только после этого приступать можно к плановым, неизбежным операциям по захвату власти над собой, по торжеству справедливости в любом отдельно взятом случае. Работа предстоит сложная, но и цель сияет и переливается, как «Изабелла», в хрустальном бокале уцелевшего в грузино-абхазском конфликте тамады. Сдюжим, пройдем все испытания, потеряем много здоровья, но приобретем довольный вид, ощущение восторга от наступившего, наконец, утра, уважение погрязших в валютных операциях школьных товарищей. В этот-то момент и вернется, наконец, любовь, изумленными глазами оглядывая происшедшие за отчетный период перемены. А за это уж точно выпить придется всем!

Глава 9. МОРОЗНЫМ ВЕЧЕРОМ В БАНГКОКЕ

Настроение: патриотическое. – Время: начало весны. – Место: Москва-Бангкок. – По лезные сведения: как называется легкое средство передвижения в Бангкоке; как называе т ся улица любовных утех там же; чем их девушки лучше; чем наши девушки лучше.

Этот март – баловник. С двух ночи орет под окном неугомонней мартовский ветеран – кот Афанасий. Вторит ему безымянная мартовская ворона. Животный мир одинаково каждый год встречает весну, провозглашает реанимацию жизненных соков, скорую смену поколений фаворитов. Аманты несут повсеместно коньячный аромат в усах, откуда-то берут хороший цвет лица. Объекты устремлений достают заброшенные на зиму газовые платочки; косметика и вовсе теряет свою зимнюю актуальность.

Кому любовь, кому новые таможенные тарифы на пиво и крепкие импортные алкогольные напитки. Радуются толстосумы: им одним теперь достанется «Абсолют Кюрант», синяя «Смирновка», пиво «Туборг». Горюет Лева – отставной мичман Балтийского флота. Списанный на берег, в последнее нелегкое время знал он одно утешение – запивал горькую «Столичную» сладким «Чайковским». Как же, говорит, останусь без сладкой? К тому же еще одна напасть у Льва: не ест сука Сара корм «Альфа-дог», предпочитает котячий «Кити-кэт». Мир сошел с ума, сокрушается моряк. Прав он на сто процентов. Родина и со мной эксперимент предприняла: раз ты, говорит, такой лихой, погуляй на чужбине, выкажи дурь свою хваленую где-нибудь на другом участке, на неподведомственной территории. Я ее за это не корю: намучилась она со мной, со всеми нами такими. И общую статистику мы ей портили, и двери в подъездах с петель снимали, сколько одних только водосточных труб покалечили, пытаясь спасти от коррозии. Терпение лопнуло: в обмен на очередного Корвалана запустила меня в заморскую даль, а сама притаилась в надежде и тревоге: не опозорю ли?

Куда там! И не такие испытания выдюживали, не такие карнавалы протанцовывали в едином строю, только призы да награды доставались, про грамоты вообще молчу. Короче, холодным морозным московским утром обнаружил я себя в укромном уголке мира – стране Таиланд, городе Бангкок. Прекрасный народ встретил меня, страна оказалась с большими

традициями, король вообще душка: любитель фото, отец народу, брат родной солдатам. Казалось бы, лежи в теплом климате у какого-нибудь бассейна, наслаждайся потреблением натуральных соков. Да нельзя мне – помню миссию свою, знаю, что ждут от меня непредсказуемости президента, необъяснимости души, резких звуков и широких жестов. Ну выпил до дна мини-бар в гостинице, ну напоил непьющих коридорных до состояния, близкого к знакомым российским стандартам. Ну получил пару восхищенных тайских взглядов в обмен на залповое распитие «Чивас Виски», облокотясь на стойку рецептуры, – чувствую, мелко. А полночь близится, спешить надо.

Первый попавшийся «тук-тук» примчал на улицу, вымощенную специально для американских маринеров, с крепкими солдатскими радостями, с простыми вывесками, неприхотливыми прохожими. Бросился в глаза спектр развлечений: турецкие бани, герл-бары, шоу и кинотеатры. Другой бы растерялся, я же напрямик в «Гоу-гоу», где сосредоточены сразу все виды отдыха, кроме бани. Поначалу не за того приняли: думали французишка скупой к ним ввалился, немчурка, думали, без фантазии прибыл. Стали выпивку подсовывать, женщину девчачьего возраста стремились на колени усадить. Джинсы с висками я, положим, выпил, девочку усадил рядом, велел вести себя хорошо, купил мороженого с шоколадкой, сам на шоу поглядываю.

В неразберихе сексуального шоу выделил артистку, нежным своим половым органом открывавшую «Пепси» и тем же местом игравшую на дудке. Воспользовавшись правом почетного к тому времени посетителя (исходя из выпитых коктейлей), пригласил обладательницу уникального таланта за столик. Что же ты дар, талант свой по мелочам расходуешь, молодость в сомнительных кабаке гроишь? Не пора ли на Бродвей замахнуться, в «Мулен Руж» двинуть? Объяснил ей в двух словах суть предназначения творческой личности, обозначил ловушки, подстерегающие любой талант на тернистом пути к вершине. Вроде поняла, хотя пожаловалась, показывая пальцем на высокую свою коллегу, что мешает та творческому росту, бьет и заставляет вступать в протиестественную любовную связь. Разговор клеился. Не забывая о миссионерской задаче, впрочем, как и об очередной порции джин-тоника, стал рассказывать я девушкам про их неправильную, но небезнадёжную еще жизнь. Предлагал уйти из шоу-бизнеса, поехать к нам, в Москву, найти себе дело по душе и по телу. Рисовал шариковой ручкой, какой у нас выпадает снег, писал названия жигулевского пива и портвейна «Адабашлы», пересказывал содержание московских телепередач. Кажется, заинтересовал девчонок: сгрудились вокруг меня, лопочут слова благодарности за открытие в нужный момент глаз. И уж вижу, хозяйка бара благодарит и дочка улыбается как-то особенно, по-нашему, по-русски...

Вышел я из бара предпоследним – последней дверь запирала хозяйка. Ну что, все поняли?–поинтересовался у своих подопечных. Ответа не слышал, потому что мчал меня уже «тук-тук» в отель – организму требовалась передышка, осмысление увиденного. Да и просто иногда нужно побыть одному в чужой стране, среди незнакомых нравов, пересчитать оставшиеся после экскурсий средства. В такие минуты обычно вспоминаешь оставленные пенаты и апартаменты, раздуваешь ноздри в надежде уловить дым Отечества – нет, только сладковатый запах креветок гриль, шашлыков из парной свинины, аромат местных духов.

Смотрю на таек – вижу девчонок с Патриарших, пью «Ред Лейбл» – морщусь, как от «Московской», выскиваю на шведском столе кусочек черного хлеба. И хочу прикоснуться уже щекой к равнодушной Отчизне: звоню в «Аэрофлот», меняю рейс, со свистом пролетаю над Сиамским заливом и благодарно вдыхаю свежую атмосферу Шереметьева, естественно, два: там на антресолях бармен Костя привычно составит «Кровавую Мэри» и понятливо улыбнется. Отныне гулять будем только здесь!

Глава 10. ПРИТЯЖЕНИЕ ТВЕРДОГО НЕБА

Настроение: прогулочное. –Время: дождливое. –Место:московские бульвары. – Поле з ные сведения: как правильно пить текилу; рассказ о художнике, который ходил

по огро м ной коммунальной квартире с закрытыми глазами, и что он пил.

Я гуляю по Москве, шатаюсь по бульварам. Впитываю колокольный звон и дождь, заглядываю в окна: что варят, что смотрят, о чем спорят в редкие минуты отдыха. Ступив за порог дома, я становлюсь бездомным, все мысли о том, где отыскать укромный уголок, собрать аудиторию – поделиться проблемами и подставить голову, чтобы погладили.

Что из того, если примошусь у знакомой стойки и закажу золотую текилу. Печальный Вергилий, приучивший на мексиканский манер к коварному напитку, выставит привычно горку соли, ломоть лимона, помелет перец. Дальше –как учили: устье тыльной стороны ладони, междуречье большого и указательного пальцев протирается лимонным соком, сыплется щедро соль, перец. Вздохнуть (не выдохнуть), глядя на созревшую рюмку текилы, и щедро лизнуть руку, прищуриться. Все готово. И влить в себя синхронным движением головы и руки кактусовый нектар. Затем все смешается, даст эффект, но уже без участия центральной нервной системы. За стойкой теперь уютно, теперь захмелевший мозг требует следующей порции, а ты сам в раздумье. Та ли это стойка, за которой тебе все рады, тот ли мексиканский эквивалент, за который следует положить здоровье и остатки здравого смысла? Жизнь сузилась до скромного мегаполиса: до жалкой подворотни, до тупикового переулочка, до иссохших Патриарших. Почему наши люди так открыты? Они бездомны и строят жилище, закладывают фундамент в месте любой остановки: в чипке на станции «Пл. 44 км», на Тушинском аэродроме, в полуголой квартире некогда зажиточного художника, который продал картины, разобрал по досточкам любовно построенный подиум в спальне и на вырученные деньги запил. Он пил так долго и так сладко, что пропустил две эпохи, не заметил, как менялись его семьи, сыновья уходили в школу, где женились на его же дочерях. Он так долго не выходил из дому, что двигался по вымершей квартире с закрытыми глазами – внутренний мир, полный красок, сочных звуков и непродажных собеседников, позволял Титанику мирно покоиться на дне. Он участвовал в разговоре как бы извиняясь, что не может принять в нем участия. Утробные звуки его голоса выдавали медиума, взявшего на себя заботу о теле живописца. Но мы дружили.

Рис. 12

"Приди в мои объятия ". Ученые подсчитали, что 84,6% случайных связей происходят в результате взаимного алкогольного опьянения.

Я приходил с четырьмя бутылками «Привета» (три для него, одну для себя), садился за стол и пересказывал свежие шутки премьер-министра, международную обстановку, данные социологических опросов. Он интересовался Солженицыным, просил почитать вслух главы «Ракового корпуса», путал Солженицына с Доктором Живаго и искренне жалел, что не может выйти на улицу – артист соскучился по милиционерам.

Господи, где эта грань, за которую нужно перешагнуть. Где предел, за которым нет прощения, – только пожизненная каторга, где порог, ниже которого не ступала нога человека? Уже хочется побывать на этой запретной территории. Там должен быть пляж с бесцветным песком температуры мертвого человеческого тела; там должно быть небо – венозно набухшее небо, с которого никогда не льет дождь. Там надо лежать на песке и смотреть в небо, и жить с открытыми глазами, в этом положении. Воздух должен застыть – облокотившись на него, можно лежать и стоя. Там наконец заткнутся летние соловьи и осенние кукушки, мартовские коты вымрут, перестанут существовать комары. Там есть тишина – ты же хотел тишины и пляжа.

Или ты все-таки хотел дома и тишины? Это разные вещи: дом и пляж, тишина на пляже и безмолвие в доме. Пора выбрать, хватит шляться по лысеющей Москве в поисках доброго слова, теплого крова. Все люди, которых ты высматриваешь уже на том пляже, под тем небом. Им невозможно заглянуть в глаза – взгляд прикован к небесной тверди; им нельзя задать вопрос – они связаны обетом.

И если ты в миллионный раз выбрал свой темный подъезд, с нарисованной белой эмблемой «Спартака», значит ты выбрал уют, говорливую и теплую толстушку соседку, лампу на столе и недоеденный завтрак. Ты остался жив после прогулки.

А я не спешу. Я гуляю по Москве, замыкаю упрямо Бульварное кольцо, мерзну вместе с летом.

Глава 11. ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ

Настроение: желание помочь другу. – Время: после обеда. – Место: лестничная клетка. – Полезные сведения: как определить, что на уме у коварных женщин, и как не поддаваться на их уловки, даже если очень хочется пива.

Неожиданно потускнел Валька, приятель с третьего этажа. Бывало, скатываешься вниз за какой-нибудь очередной забавой, а он в лиловом своем кресле сидит на площадке, курит допотопную «Яву», шуруется одобрительно на мои устремления вниз. Каждый раз пробегая мимо, слышу его скрипучий, ободряющий кашель: дорога вниз, Колян, имеет мало остановок. Мудрость эта каждый раз вселяла в кровь адреналин, румянила щеки, голова делалась холодной, а руки чистыми.

А тут прыгаю вниз через ступеньку, чтобы сказать пару слов продавщице Наденьке из четвертого гастронома, и вижу, что Валентин хмуро, как-то авитаминозно стоит у своей банки-пепельницы не в обычных трениках, а в коричневом костюме, в котором однажды женился. Курит, смотрю, бедолага «Мальборо лайт», в мою сторону и не смотрит. После общения с Надькой, которое закончилось всего лишь покупкой неочищенных куриных желудков, специально поднялся на третий – сердце что-то не на месте было, предчувствия захлестнули. Валентин все так же стоял, прислонясь к неремонтированной четыре года и шесть месяцев стене. Грустно. Молча. Я подошел, обнял соседа, спросил напрямки: что, мол, стряслось.

Рис. 13

Обнаженная из Малого Ярославца, С натуры

Как и следовало ожидать, кинула Вальку женщина, даже не женщина – девушка, подросток. Раздобыл Валентин это существо где-то в Малоярославце – гостил у сестры. Вышел с утра хлебнуть калужского пивка – смотрит, девчонка идет по городу, в синей курточке, с хвостиком вместо прически. И так защемило сердце, так захотелось не только пива, что подошел против своего обыкновения Валька к девчонке, завел гипнотизирующий разговор про Москву, про постылую комнату в коммуналке, про удобное местоположение старого своего восьмизэтажного дома и вообще про перспективы. Ритка (как выяснилось) слушала с благодарностью, устроила Валентину трехлитровую банку без очереди – связи у нее в местном мире оказались внушительными. Недолго держалась девчонка за малую родину: в тот же вечер укатили с Валентином на электричке в столицу, и зажили бок о бок.

И вот теперь, после такого оглушительного продюсерства, подлая Ритка связалась с водилой из Домодедова и переехала к нему в машину. Ни слова (доброе) не сказала, просто взяла все деньги и кое-что из вещей да скрылась в туманном аэропорту.

Коварство женщин не знает маленьких объемов, ободрил я старика Валентина. Мы, естественно, сидели за его довольно журнальным столиком и уже не курили, а разговаривали, запивая все это дело брагой. Кто верит женщине, тот часто бывает обманут, учил я друга. Их вероломные действия похожи одно на другое, как две капли воды. Если при знакомстве девушка все время отводит глаза и разговаривает не заинтересованно, а иногда даже вызывающе, первый признак, что затевает она крупную любовную авантюру против тебя. Глупо звонить на следующий день после знакомства. Если это произойдет, шансы остаться независимым в отношениях приблизятся к нулю. Не стоит ухаживать обычными способами – кино, ресторан, филармония, шашлыки.

Лучше всего потаскать девчонку под дождем пару-тройку часов – под предлогом романтической прогулки. Тогда чашка кофе в самой дешевой забегаловке покажется ей лучшей наградой, а ты – мужественным, интересным человеком. Конечно, будут разговоры о ее прошлых увлечениях. Причем в восьмидесяти случаях оказывается, что из пятиста романов серьезной плотской любовью окончился лишь один. «У меня это было только раз» – намек на то, что ты по счету займешь почетное второе место. В это можно верить – если очень хочется, но вообще такая версия уже должна насторожить. Потом пойдут рассказы про родителей, которые не спят до трех ночи – ждут девочку домой, расспросы про твоих родителей: как вы живете, вместе, раздельно, какова общая и жилая площадь квартиры, на кого записан лицевой счет. Мимоходом выясняется, есть ли у тебя дети и какой размер жалованья. В один из дней (третий-четвертый) ее родители, что проверить сложно, как правило, уезжают на дачу с ночевкой. Таким образом поступает косвенное предложение вступить в связь – в твоей конечно же квартире. После, безусловно, выяснится, что такого счастья подруга никогда не испытывала, что ничего даже близко с ней не происходило и она вообще не знала, что так бывает. Это, конечно, самый сильный ход во всей партии. Не поддаваться на него очень трудно. Но, сопоставив подобные явления, сравнив аналогичные высказывания, можно прийти к выводу (если ты не полный идиот), что имеет место небольшая натяжка, говоря по-нашему, гипербола с особо корыстной целью.

Потом будет активное мытье посуды, подметание пола в твоём жилище, предложение купить новые занавески и вообще прибраться немного. Если замечена некоторая пассивность, поступит предложение съездить на природу или еще куда-нибудь. Параллельно следует активная засветка у ее знакомых и провоцирование знакомства с твоими друзьями. В общем, через два месяца ты обязан сделать предложение и сыграть свадьбу. Если этого не происходит, делается второй круг, затем третий. Обычно у коварных женщин на третьем энтузиазм тает, и они уходят к каким-нибудь олухам, которые предлагают руку и сердце сразу после рассказа о первом-втором мужчине.

Валентин кивал головой. Почти так и было. Но где же ты, гад, был, почему сразу не

раскрыл глаза, не предупредил, не остерег. Я, отвечаю, находился на седьмом этаже. Я собирал материал для этой инструкции, осуществлял необходимые проверки, перепроверки, брал и сдавал анализы, чертил графики. А что делать-то, спрашивает сосед?

Знать, – отвечаю я и прихлебываю бражки; забытый вкус юности, когда милиционеры вламывались к нам в квартиру без санкции, а мы вместо документов предлагали им по стакану. Орала музыка после одиннадцати. Хорошее было время.

Глава 12. ДЯДЯ ВАСЯ И ЛОСЬ

Настроение: элегическое. – Время: разгар отпуска. – Место: деревня Доброе. – Полные сведения: почему земля не круглая; что пить, если нет селезенки; почему снижаются надои в хозяйствах Нечерноземья; как правильно охотиться на лосей.

Давно хотелось далеко зайти. Воспользоваться остатками имиджа, собрать котомки, сплести лапотки, крынки наполнить свежескисшим молоком, нарезать сала, наварить яиц и погулять по дорогам, попочевать в землянках и траншеях незабываемой Родины. Жить надо в согласии с природой, с животными, рыбами, птицами. В минуты подобных просветлений выглядываешь в окно и наметанным взглядом прикидываешь путь, на котором цель оправдывает средства, пыль из-под копыт забивается в ноздри горячим кахетинским скакунам и слышна песня селянок, что хваткими пальчиками своими жнут и сеют, жнут и сеют и снова, в основном, жнут... Слава Богу, есть на свете место, где сладко подвыпивший Василий Алексеевич, дядя Вася, всегда рад предоставить сыроватую, пропитанную лунным светом и духом невычищенной из голландки золы комнатку за согласную стоимость и приятное общество. Жизнь Василия Алексеевича сложилась отлично, моя – удачно, поэтому нам есть о чем поговорить. Чем хорош дядя Вася, так это сочувственным отношением к желанию городского жителя провести несколько дней на воздухе. Еще он подкупает отрицанием гелиоцентрической системы Коперника. Рано утром, когда еще и солнца-то нет на горизонте, Василий выкатывается на приступку и занимает исходное положение. День течет, а дядя Вася сидит на своем месте, наблюдает суету уверенных в крутости Земли соседей, с птолемеевской четкостью посылает на фиг Сашку Воинова, сочетающего в родном Василию Алексеевичу селе Доброе обязанности участкового и гаишника – посылает именно за эту мальчишескую всеядность. Нет чтобы подняться и задать пороссятам, нет чтобы спекулировать колхозным бензином – дядя Вася несет крест наблюдателя бодро, с полной ответственностью. Что пьет Василий Алексеевич? Василий Алексеевич пьет, к сожалению, портвейн. К сожалению, потому что врожденный цирроз печени, четыре камня в правой и один, но большой, в левой почках, неправильная, с моей точки зрения, работа желчного пузыря, утерянная однажды, сразу после проводов в армию будущего сценариста Романа селезенка не позволяют мне присоединиться. Поэтому снисходительно, как по лодыжке бывшей, но иногда заглядывающей жены Алевтины, Василий похлопывает привезенную из Москвы литровую «Кремлевку». Мы дожидаемся «темна»: захватив десяток донок и вершу, спускаемся к реке Воре, триста метров по берегу, и располагаемся в природном амфитеатре. Рыба, припасенная для наживки, запекается в глине, сверху бросается картошка, которую Алевтина расхваливала как только что выкопанную в собственном огороде. «Знаешь ли ты, почему снизились в нашем совхозе надои?» – бесхитростно обозначает преамбулу ночного проблемного разговора Василий. «Видишь по правую руку брод? Когда Пашка-блаженный гонит вечером стадо с Барского луга, коровы-дуры останавливаются напиться. А вымя у них до воды свисает, молока нагуляли будь здоров. Что думаешь, места-то у нас рыбные, ну и как по расписанию к броду подплывают сомы да налимы и давай за титьки коров дергать, молоко дармовое сосать! Скотина орет, Пашка уже в хлам, кнут еле за собой волочит. Ну и приходят в стойло ополовиненные кормилицы. Я, кстати, сам додумался, сам эксперимент кой-какой ставил». «А лосей ты у нас промышлял? Ну-у, Колян, это песня про трех танкистов. Лось, он ведь как, он об осину любит спину чесать. И следи за мыслью, еще одна особенность: если лось завалится, он сам встать не может – беспомощен! Ну и чего я придумал, наблюдая:

осины, помеченные сохатым, подпиливаю и таюсь рядышком. Лось-идиот спину начинает тереть, облакачивается всей тушей, ствол трек! – животное упало, встать не может. Тут подхожу я – делай, что хочешь, с обитателем лесов. Бля, два часа пытался одного на ноги поставить. Он, сука, оказался лосихой – вредной и голосистой. Когда убежала, чуть в лобешник копытом не засадила, падла неблагодарная».

Рис. 14

Участник соревнования по метанию полных чаш.

А что я могу рассказать дяде Васе? Молча сижу, набираюсь, чего положено. Ночь проходит, как жизнь: медленно, неукротимо. На наших глазах из земли вырастают грибы, наливается в предчувствии близких морозов рябина. Шумят травы, шелестит под землей крот, течет в подземных жилах ключевая вода, которая может спасти от утреннего разочарования. Василий Алексеевич с сожалением смотрит на занимающуюся зарю, идет к реке, умывается и затягивает свою любимую песню: «А-а-а-а-а-а-а!!!». Это значит, что лето скоро кончится и дорога позовет обратно, в город, в бабье лето, где нет ни лосей, ни сомов. Алевтина тем временем разогрела кислых щей и, привалившись к косяку, лукаво щурится на появившееся из-за пригорка изображение дяди Васи.

Глава 13. ВАШЕ СЛОВО, ТОВАРИЦ АУСТЕР!

Настроение: нехорошие предчувствия. – Время: бабье лето. – Место: у Белого дома, Ро с сия. – Полезные сведения: как уберечься от пули; что сделать, чтобы пить и не пьянеть; что делать, чтобы отрезветь за несколько секунд; о том, надо ли это делать.

«Откуда берется пыль и куда деваются деньги» – прямой вопрос одной подружки раз и навсегда оставил меня в рядах агностиков, разучил биться над решением неразрешимых задач. Счастье жить в необъясненном мире, принимать «как есть» плохие дороги, сработанный еще рабами водопровод с водопроводчиками, государство с бандитами по обе стороны дается не сразу, но если дается, то держишься за него, кичишься обладанием, чувствуешь себя совершенно свободным от необходимости достаточного. Раз в году счастье это усугубляет необъяснимая пора – модель загробной жизни, где есть покой и воля – бабье лето.

Сумасшедшими шагами, под пулями и заинтересованными взглядами незнакомок меряешь преобразенное пространство города, деревни, любого родного края, где бывает это, как пел Джо Дассен, индианское время года. Прощаешь журавлям, которых не на шутку испугал грассирующий говорок Калашникова, их нештатный перелет в направлении вечного лета, прочь от вечнозеленых елок. Кутаешься в кашне, не скупись на сто граммов коньяку, высаживаешься на бульваре – наблюдать, щуриться на солнце, слабоумно улыбаться собственным нехитрым мыслям и – жить на всю катушку. Не заменить это зрелище в период возвращения домой никаким штурмом унд дрангом, никаким визовым режимом и повышением стоимости проезда. Пир во время пирровых побед перестал уже вызывать похмелье и изжогу у населения. Кровью в часы «событий» лился портвейн, два стакана водки любого розлива делали субъектов неуязвимыми, а три просто выключали из игры. «Налей защитнику обороны!» – неслось из открытых по случаю очередного конца света шинков. Люди падали не от пуль, но от пуль не шарахались. Гульба, одним словом, шла серьезная.

Рис. 15

«День четвертый». Гравюра неизвестного. Ученые подсчитали, что средний запой продолжается 4,3 суток.

Внезапно встала во весь опор юношеская проблема вытрезвления собственными силами. Разные пробовали методы – от болевого шока до ныряния в реки и озера, а также внутренние моря. Искусство стать трезвым – это техника, ремесло, а иногда и мастерство. Вроде пьяный-пьяный, только что падал на четвереньки и молчал, а вдруг разогнулся в нужную минуту, отмел наметившуюся иронию в свой адрес и в доказательство боеспособности поймал за кожанку проезжавшего мимо рокера. Вот тогда и доступными станут уважение товарищей, обожание участниц, благосклонность мифотворцев. Для актов вытрезвления я не стал бы рекомендовать эксплуатацию силы воли. С недоверием отношусь к хвастливым заявлениям «пью и не пьянею», «умею пить». Хотя и это иногда может пригодиться – в экстренных случаях: во время дипломатического приема, трех и более деловых встреч с употреблением алкоголя, другой шпионской деятельности. Есть народные рецепты. Например, съедание перед началом праздника куска сала или выпивание столовой ложки подсолнечного масла, а также заглывание сырого яйца. Неудобство метода состоит в том, что время от времени надо отлучаться с приема, чтобы банально и искусственно поблевать – пока алкоголь не разъест образованный предохранительными мерами защитный слой на стенках желудка. Есть рецепт, который позволяет обойтись без неприятной физиологической гимнастики: надо опрокинуть стопку, в которой смешаны пополам растительное масло и красное вино, а также щепотка перца. Пей, гуляй – ничто не проймает!

Ну а если случилось, если некому проводить в глухую ночь, если существует риск оказаться в государственном вытрезвителе, что травмирует прежде всего морально? В свое время был способ: заваривался крепчайший кофе, где вместо воды использовалась, естественно (что от алкашей ждатель!), водка. Эффект протрезвления был безусловный. Позже, став опытной, узнал, что подобные адские смеси носят имя «аустер» и что существует ряд настоящих рецептов.

Широкую рюмку необходимо полоснуть несколькими каплями растительного масла так, чтобы на внутренней стенке осталась тонкая масляная пленка. Выпустить в рюмку один сырой яичный желток, добавить столовую ложку джина и посыпать все это дело черным и красным, но обязательно молотым перцем. Пить одним глотком прямо перед выходом из помещения, где угораздило.

Или: так же капнуть подсолнечного масла, разместить в рюмке две чайные ложки острого томатного соуса и один все такой же сырой яичный желток, посыпать солью и обоими перцами, добавив десертную ложку перцовки и пару капель лимонного сока. Выпил – и уже в состоянии попрощаться, если осталось с кем.

Или аустер «Зверский»: такая же промасленная рюмка, в нее вливается пятьдесят граммов водки, выпускается один желток, добавляется щепотка соли и по трети чайной ложки красного и черного перца, пьется не чокаясь. Резко отрезвев, вы наверняка увидите перед собой пьяные лица собутыльников, краем глаза заметите, что девушка, с которой вы пришли, целуется с хозяином квартиры, воспользовавшись вашей отлучкой в никуда, чай выкипел, а метро закрыто. Советую вытащить утаенную бутылку портвейна и под невидящим взглядом компании, изображающей внимательное сидение за столом и ведение разговора, хлобыстнуть пару стаканов. Чего, собственно, трезветь-то: бабье лето закончено, урожай убран, кандидаты сбиваются в тучные стада – до заклания есть еще пара-тройка лет. И после третьего стакана можно уходить – здесь уже ничего интересного не будет.

Глава 14. КОМАТОЗНИКИ

Настроение: эротическое. –Время: глубокое лето.–Место: пляж и т.п. –Полезные св е деня: кто такой Йоб ван дер Гуй; кто такие нудисты; где стреляли в Ленина; где

жили Тарковский и Вознесенский.

Июль – самое удобное время для разоблачений. Пусть низкая облачность, пусть дождь и тополиный пух – люди скидывают прикипевшие одежды, распахивают объятия набухшему асфальту, славят красоту открывшегося взору тела. Устоять трудно, но если устоишь, в награду получишь небо в ЛСД, робкое дыхание приближающейся бури.

Сквозь заскорузлые пальцы нужды, побитые крупной молью белые халаты человеческого достоинства просачиваются в атмосферу искусство и наука. Наука побеждает предрассудки, заставляет население верить в вольфрамовую дугу, в аспект-модификатор, отвергать фреоновые дезодоранты. Искусство же, как всегда, проковыривает дырочку в теплом шерстяном занавесе и дает возможность насладиться созерцанием открывшихся бездн и звезд. Дробненький голландский фотограф Йоб ван дер Гуй отчитался перед народом, скомпенсировал долг искусства. Вернисаж получился: Вагина, Вульва, Кут – как только ласково не называли предмет и объект экспозиции. Прекрасные, а главное, цветные и черно-белые фотографии ласковых женских гениталий были любовно помещены в рамочки и взяты под стекло. Рядом с явными произведениями фотоискусства толпились обладательницы изображения. Редкий японец не поддавался искушению заснять помолодевшую от повышенного внимания модель на фоне дагерротипа ее же прелестей. Русская коллекция Йоба переливалась цветами, пиво лилось из банок, ценители требовали музыки и танцев. Искусство наливалось соками на глазах. Набухшие почки превращались в цветы, цветы в плоды, плоды с характерным звуком отрывались от плодоножек и, стукнувшись о паркетный пол галереи, закатывались в углы подсознания.

Нудисты вытеснили традиционалистов практически со всех диких пляжей Серебряного бора. Закомплексованные в плавки и купальники бедные люди прячутся в высоких травах. Гордо, страусами и тиранозаврами, разгуливают раскрепощенные нудисты. Рассеянный, безумный взгляд выдает состоявшееся слияние с полудикой природой.

И хочется крикнуть идущей навстречу голой девчонке: оденься, милая. Я дам тебе пальто, ты укутаешься в него, и мы пойдем в город. Мне не нужна твоя нагота, я знаю строение тела, я сбегал с уроков химии на лекции второго курса медицинского училища, где подробно разбирались человеческий скелет и причитающаяся ему анатомия. С закрытыми глазами найду я твое среднее ухо, малую берцовую кость, твои трогательные подплечики. Но я хочу тайны и чистоты. Зайдем по дороге в Ле Монти: возьмем пару туфель, сумочку, поясок – чем мы хуже? Не стыдись – оденься во все самое лучшее, повяжи платок, натяни перчатки из лучшего друга человека – лайки, лайкра будет переливаться на спелых икроножных мышцах в такт походке, мы спустимся К Трехгорке: там ночь на Ивана Купалу в самом разгаре. Девушки гадают огнем, ждут цветения папоротника. Под мелодичные звуки техно и нам впору поддаться психоделике – открыть кингстоны, смешать виски с колой, затянуться и откинуться.

Мы навестим место рождения. Здесь я падал в подвалы, здесь постигал уроки, до сих пор в ушах стоит звук выстрела: это у ворот завода Михельсона в очередной раз пытаются дострелить Ильича. Серпуховка, Щипок – не стерлись еще следы от ботинок на гуттаперче Тарковского и Вознесенского. Наконец решаюсь спросить: кто ты? Я актриса. Ну это понятно, а кто ты? "Я крупье. Давай потанцуем, давай поиграем на рулетке, поставим на кон, сорвем банк, улетим в Южное Бутово, затеряемся в газовых факелах. Факелы и еще раз факелы – далеко ли до греха. Недалеко, всего двадцать километров, 15 долларов на такси – говна пирога.

Тим я сброшу свое серебристое платье и буду если и не твоей, то и не чужой". Опять стриптиз: рука тянется к «Распутину», берет за горлышко, опрокидывает и опустошает. Где спрятаться: сумерки переходят в рассвет, черное время суток беззастенчиво растворилось. Зачем не принял такой, как есть, зачем потребовал невозможного, зачем открыл гамбургский счет? Июль, девушки млеют. Стекает с них последняя одежда, последняя надежда ни высокие отношения умирает, не приходя в сознание. По улице Павла Андреева движется колонна коматозников: нудисты и крупье, недоучившиеся машинистки и перезрелые инженеры. Всем

им хочется разоблачений, стриптиза, свободного пляжа, ночного времени года. Они берут напрокат простыни в банно-прачечном комбинате №2 и поднимаются в гору. Если взять бинокль и присмотреться, можно заметить, как дышит белыми жабрами гора, как медленно скатывается с вершины сладкий вздох. Июль удовлетворен, июль закрывает глаза и засыпает среди бела дня.

Глава 15. ПОД СЕНЬЮ НЕУМЕЛОГО ГОЛЛАНДЦА

Нестроение: не эротическое. –Время: сезон охоты на уток. –Место: опустевшие к у рорты, кабинеты, мужские клубы, галереи. – Полезные сведения: когда гон у перепелок; ужасная правда про джин с тоником; как восстановить историческую справедливость по отношению к Крыму; где хранить пульт дистанционного управления самым главным.

Где же вы раньше были? Когда еще горели глаза, когда брала за живое песня про "не ветер да не вечер"... и не хотелось спать после первой рюмки аперитива «Цезарь». Когда чартерные рейсы бороздили направления между Москвой и Адлером, неся на бортах воспаленных пассажиров, нас, стремящихся войти в море, лечь на острую гальку, выпить все запасы «Лыхны» в окрестностях Пицунды. Я помню, как просыпался от дикого крика птиц. «Чайки?» – спрашивал я у мужчины-соседа, который, натягивал тренировочный костюм, подворачивал ботфорты и теребил патронник своего трофейного Калашникова. «Утки?» – я брал вторую и последнюю попытку, намекая на сентябрь. «Перепела, гон у них, будем сбивать», – упрекал последний герой громко выбегая в просторы курортного полуострова. И были перепела с перепелками, девушки равнодушно обгрызали косточки, сплевывали дробь. Сколько загублено птиц, сколько зверей, расставшись со своими берлогами, оказались на мушке, под дулом пистолета «Магнум» вынуждены были становиться добычей, превращаться в шкуры, бивни, рога И копыта. Каждый день, где бы мы ни находились, под рукой была полная обойма, готовая дать отпор захватчику, защитить ближнего, произвести салют в честь работников торговли, сельских тружеников, учащихся ПТУ и учебного заведения имени Патриса Лумумбы. Где же были вы, когда глаза горели у нас, когда весна была через край в каждой точке распития спиртных напитков, на каждой концертной площадке, где звучали тревожные песни и бился в бессильной жажде рассказать что-то о мире и о себе Бог весть откуда взявшийся степ. Вы смотрели в сторону бездуховных, но материально обеспеченных горизонтов, строили замки на песке, в то время когда мы шли по Бульварному кольцу, не зная, как из него выбраться. А теперь кусает локти, когда мы перешли на блюзовые аранжировки и безалкогольное пиво «Бавария». Нас трудно сегодня распалить, трудно завлечь перспективами безумствующей весны, сиреневого мая, черемухового июня.

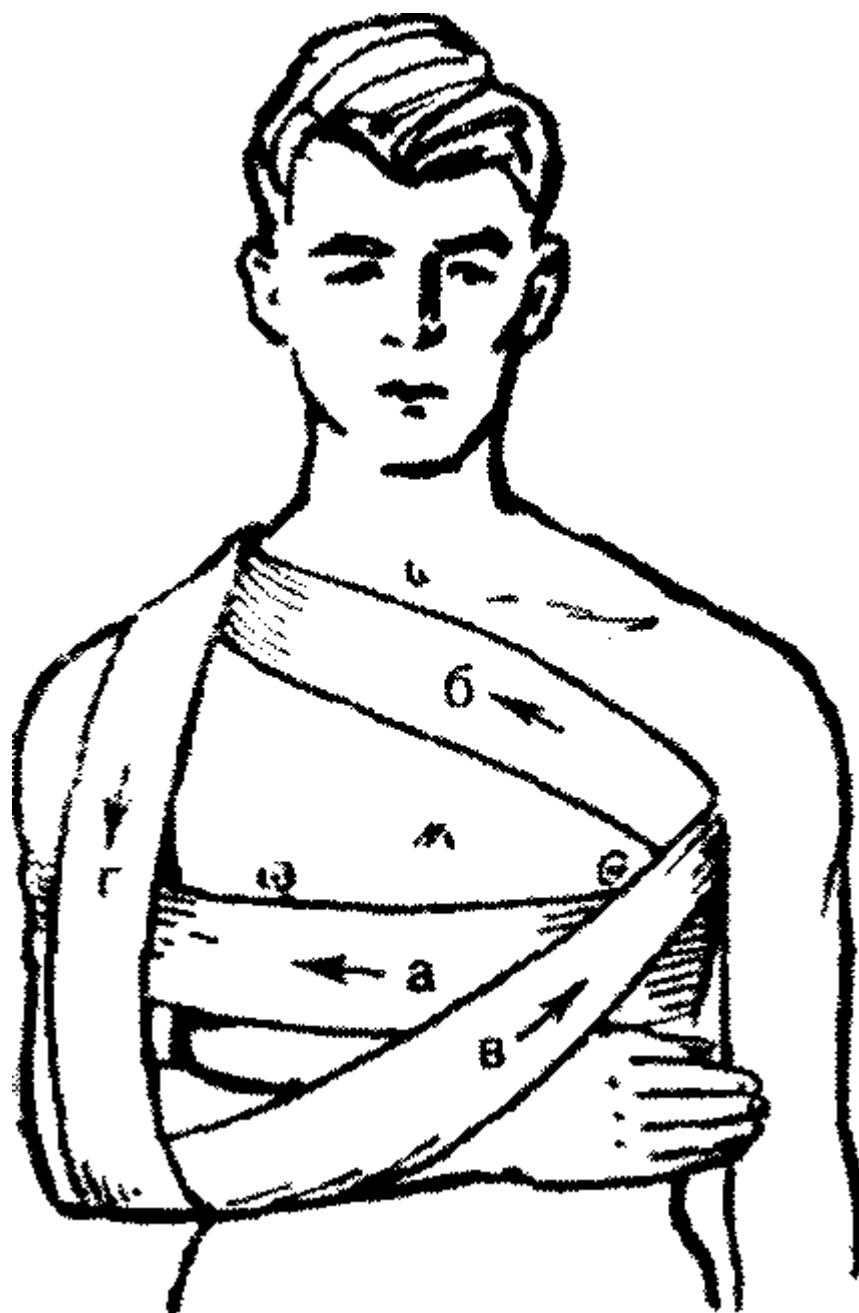

Рис. 16

Оказание первой медицинской помощи пьянице, попавшему в беду. На схеме показано направление равномерных поглаживаний после укладки бинтов.

Перед глазами движутся строго по списку, в порядке живой очереди пожелавшие. Вот девочка: она не знает о переменах в настроении, поэтому привычно хочет распалить меня своим коронным прыжком флопсбери в два с половиной оборота и комбинацией из тройного тулупа, двойного акселя и порции джина «Лондон» с тоником «Тоник». Но мудрый взгляд замечает погрешности в исполнении несложных этих прыжков, а мозг, обогащенный новыми знаниями, напоминает, что, по последним исследованиям, джин-тоник – это напиток педерастов, хотя жаль. Теряем напитки.

Вот чужая женщина пытается спровоцировать интимные поступки, томно заглядывая в глаза, намекая на пышные формы и возможность провести вместе не только субботу, но и половину воскресенья, потому что во второй половине выходного у нее кончается творческий запой и она уходит в ванную комнату дожидаться трезвого утра. Что можно сказать на это? Выставка современной живописи на антресолях Дома художника значительно ярче, тем более что на выходные намечен спиритический сеанс со школьными друзьями и несколько партий

на бильярде в «Ракушке» – под сенью камина на продажу (шесть тысяч баксов) и пары полотен голландской школы в исполнении довольно посредственных учеников.

Третья шлет письма, в которых имеются описания эротических снов, действий и приглашение приехать в Киев до очередного повышения цен на бензин. Раньше без раздумий уже забронированы были бы билеты на поезд: обменены купоны, куплены недостающие продукты от старшего брата младшей сестре. И дорога в купейном вагоне никак не сказалась бы на исполнении замыслов простодушной хохлушки: слово в слово, дело за делом ее эпистолярные эскизы обрели бы плоть, криками наполнился бы ночной Крещатик или что там у них еще есть ночного? Но, прочитав в прессе о провокациях на Черноморском флоте, узнав от коллег про шаги, предпринимаемые официальным Киевом против Крыма, решительно рву надежды подруги по переписке, беру в руки Ключевского, чтобы восстановить в душе историческую справедливость.

Я смотрю на раздевающуюся на телеэкране женщину. Что, думаю, доигрались, Хотите теперь обратно вернуть наше доверие, заручиться поддержкой? Но планы изменились! Мы снаряжены бипером, у нас в руках радиотелефон, во рту кристально чистая водка, на ногах водные лыжи – они-то и несут нас в горячие точки планеты, на межбанковские конференции, в Канны. Мы оттягиваемся в глуши, на даче в Переделкине недалеко от пульмонологического санатория, рядом с кладбищем, где лежит Пастернак. Мы теперь любим природу, не стреляем в белых лебедей, собираем шишки и делаем гербарий. Иногда, конечно, запираются двери, выгоняется кухарка Света, достаются милые сердцу консервы и открывается празднование юбилея Игорька. Песня про ноздри, стих про птицу: и встает перед глазами брошенная навеки молодость, наливаются кровью И слезами близорукие глаза, хрустят граненые стаканы. Будь счастлив, Игорек, мы еще съездим в Загорск, еще попродаем в таллинском аэропорту презервативы, чтобы заработать денег на скромный завтрак, еще остановим поезд метро посреди Праги, пообещав ропщущим чехам ввести танки в их восточноевропейский Париж. Все еще будет – может быть... А теперь надо позвать Светку, чтобы убрала со стола, вытерла слезы и сварила кофе. Мы теперь другие: мудрые, познавшие смысл жизни. Поэтому редкая эрекция доживет до середины дня – книги, картины, мультфильмы, вот что доставляет радость, выводит из печали, заставляет подметать пол и чистить зубы. Если кто-нибудь думает, что дело свое мы кончили навсегда – будет тот посрамлен. Ведутся переговоры с профессором Вишневым, что вставит он несколько импортных датчиков в нужные части тела, обеспечив тем самым управление мужскими качествами. В любое время суток с помощью прибора, напоминающего пульт дистанционного управления, можно будет обеспечить стопроцентную готовность к обмену генной информацией любой продолжительности. Но пульт этот храниться будет подальше от женских рук: в кабинете, где на стене Брейгель-младший, в столе незаконченная рукопись о последних днях Набокова, в баре – бурбон. Так-то надежнее...

Глава 16. КРУЧИНА

Настроение: кручина. – Время: сумерки. – Место: пгосты. – Полезные сведения: что заставляет нас пить; как получить удовольствие от игры, а не от результата; зачем надо сходить на кладбище заранее и что там следует пить.

Что заставляет зрелых мужчин и безусых юнцов в самый разгар жизни, при температуре 25 градусов по Цельсию, в условиях нижней облачности, а то и при полном ее отсутствии брать в руки стакан? Как раненые звери, подстрелянные птицы, ищут мужчины укромные уголки родных мест, чтобы спрятаться, чтобы исполнить интимный ритуал распития. Зря многие думают, что получается это автоматически, по привычке, в результате дурных склонностей, отвратительной наследственности или просто из-за слабости духа. В подвалы и подворотни, в чужие квартиры, на вокзалы и опустевшие склады уводит ребят неизбывная, вечная, как Россия, кручина.

Ну скажите, есть ли у вас доверие к лоснящемуся, выскакивающему из дорогого

автомобиля здоровяку в кашемировом пальто цвета глиняного горшка, если случайно узнаете вы, что товарищ этот в рот не берет водки «Родник», не говоря уже о массандровском портвейне? Доверия нет. Потому что пьющий богатеи обязательно в какой-нибудь момент алкогольного опьянения подobreет, расслабится и перечислит всю наличность в Фонд сохранения дворика на улице Винокурова, рядом со швейной фабрикой «Москва». Если и не перечислит, то однажды, выйдя из семидневного запоя, обнаружит, что проморгал «черный вторник», и вся валюта превратилась в прах, секретарши перешли на работу в Центробанк, а кореш, помощник министра финансов, приговорен к отставке. И главное, не очень расстроится наш герой, а только кивнет в знак подтверждения худших своих предположений относительно перспектив фондового рынка и своей незавидной доли – что ввергло, собственно, в семидневную кругосветку. С непьющим дельцом ничего такого хорошего никогда не случится.

Ведет нас по пьяной жизни кручина. Дисбаланс добра и зла, отсутствие гармонии даже на Тверском бульваре – все это каждую минуту готово посадить даже недюжинную личность на стакан с алкоголем.

Рис. 17
После распития водки «Smirnoff» изо рта человека часто вырываются языки пламени и клубы ядовитого дыма.

С детства, практически на подсознательном уровне, к пьянству подталкивало неудачное выступление команды «Динамо» во внутренних чемпионатах и на международной арене. Каждая проигранная встреча по футболу, хоккею, баскетболу, водному поло, волейболу, командной эстафете по дорогам Москвы, одним словом, любая неудача любимого клуба отзывалась болью сна-чала в детском сердце, а потом уже и в отроческом. Как только позволил возраст, утешение пришло со стороны, как говорится, бутылки. Алкоголь постепенно стал вымывать горечь поражения, разрушая, естественно, весь остальной организм. Но цель была достигнута: все выступления динамовского коллектива стали тотально по фигу, появился объективный взгляд на вещи, мозг получал удовольствие от самой игры, а не от результата того или иного матча.

Размышляя о сущностях, оказались мы с закадычным другом Павловым на кладбище в центре города. Забрели сюда по случайности, вернее, по наитию. Как знали, перед какой философской проблемой поставит нас безобидная на первый взгляд прогулка, захватили четыре бутылки «Лидии» и бутылку «Тверского» пива «на завтра». На могильной плите семьи Смирновых крепко поговорили мы тогда. Конечность мирского прозябания вдруг перестала пугать, вдруг скоротечность жизни преобразилась во благо. Обретя нити истины, твердым, правым шагом направились мы с Павловым к директору печального ландшафта. Показав документы, устроили разнос Давлету Ахметовичу за безобразное содержание вверенного ему предприятия вообще и могилы почившей в бозе семьи Смирновых в частности. Некрашенные изгороди, кое-где посрезанные кресты, мусор и не заасфальтированные дорожки – счет из длинного перечня недостатков был выдвинут Авакяну. С недоверием отнесся директор спервоначалу к серьезности наших намерений, но когда извлечена была четвертая бутылка «Лидии» и вскрыта резким, не терпящим возражений движением руки и ладони, Давлет притих и новыми глазами посмотрел на глубину вопроса. Тут же были вывалены на стол ватман с планом переустройства кладбища, проекты памятников нового образца «один к десяти» были обнародованы буквально после второго глотка, сделанного начальником. «Понимаешь, Давлет, все мы там будем», – тыкал я пальцем в схему размещения новых захоронений. «Подумай, Давлетик, не о выручке своей страной, а о душах усопших, к коим и сам ты присоединишься в недалеком грядущем. Возьми кисти, метлы, устрой субботник на территории. Поговори с пьющим своим контингентом. Чтобы по-людски относились к нам, безвременно ушедшим, но не сломавшимся под бременем обстоятельств. Ты понял нас, Давлет?» Авакян ответил благодарностью, даже чистую, незаполненную грамоту вручил лично, не убоился расписаться под карт-бланшем. После чего мы, используя момент, попросили подобрать и нам местечко на будущее. Без долгих разговоров пошли мы в каптерку к печальным дел землекопам. Без сожаления выставили на стол заветную бутылку «Тверского» и лаконично объяснили, в чем дело...

Бригада землекопов допивала заработанную за день одиннадцатую бутылку водки. Давлетик ничком, раскинув руки, как армянский Христос, лежал на телогрейках и резиновых сапогах, брошенных в угол утомленными могильщиками. Павлов точил лопату, шлифовал черенок. Я сидел и пел песню про разлуку. Постепенно печальный пролетариат стал склоняться на нашу сторону. Искать для нас могилу решено было идти немедленно, копать определили с первыми лучами солнца – так символичнее. Помешала та самая бутылка пива, которая отвержена была копателями с порога. Потеряв бдительность, перед выходом в экспедицию по розыску нашей могилы, хлебнули все по глотку. И сразу отяжелели, расквасились и заснули на месте. Кручина преследует по пятам. Сидит, бывало, радостный, улыбчивый гражданин на берегу Патриарших и кормит хлебом уток и приبلудного спаниеля. И вдруг тень кручины наваливается на его надбровные дуги, резким гортанным криком отгоняет он миролюбивого пса, достает из кармана бутылку столового вина №21 и прямо из горлышка, не разбирая дороги, не зная броду, выпивает почти все. И сидит после закручинившийся, отхлебывая из бутылки, борясь с искушением прогуляться по пруду аки по суху. И горит в его глазах кручина, и винить вроде некого. Нелегкая это мужская доля – кручина, вредная, но неизбежная.

Глава 17. ОТХОДНАЯ

Настроение: прощальное. – Время: всегда. – Место: везде. – Полезные сведения: как правильно варить самогон; как его правильно пить; почему славянки лучше прочих. – До свидания.

Как приятно предназначенное расставание.

Еще сумятица в уме, еще не выветрилось, не стерлось, а уже походный мальчишка отводит локоть, со всхлипом набирает воздух в рот и издает печальный звук: отбой.

Курсант застилает койку, целует няню, позвякивая ментиками, или что там у него позвякивает, выходит на природу.

В углу водопроводчик заканчивает приготовления к исходу из служебного помещения: ждет его подводная одиссея Кусто, ржавые титаники, шустрые Наутилусы в винном соусе.

Молодка прощается с молодостью. Не успели отгореть девственность и юность, а уж на пороге, подбоченясь, образовалась зрелость – и заставляет не пить водку ереванского разлива, не есть лечо и прогонять любовника после, но до закрытия метро.

Рис. 18

В добрые старые времена самогон гнали прямо в библиотеке.

Сладкое предвидение завершения. Вопреки Лоту, бесстрашно оглядываешься на пылящийся пройденный путь. Что сделано, сколько центнеров пшеницы спасено от уборочной кампании, сколько юношей обучены самому главному, скольким женщинам указано на подходящие им места. С ухмылкой какого-нибудь Рурка констатируешь: несть числа! Парным молоком по сердцу различается отрада – наворочено предостаточно, многим запомнилось, некоторых вообще свело с ума. И думаешь без лишней, что и твоя заслуга есть, что и твой труд капелькой влился в этот мощный первородный поток.

Помню, как еще по существу пацаном замыслил я эти строки. Мерещились планы спасения армии, топорщились амбиции приобщения к неспешности времени. Болело сердце – за людей, за женщин, за детей. На себе испытал большинство предлагаемого, рискнул поделиться, пошел ва-банк, наступил не только на горло.

Бросил клич, вывел несколько слов, а сам засел в заросшей воронке от фаустпатрона ждать результатов. В свободное время ел малину с куста, клевал принесенные селянами хлеб и воду, закусывал салом, подглядывал. Не жалею о прожитом времени, как сладкий сон вспоминаю минуты озарения и прояснения.

Никто не сказал спасибо, не откликнулся. Серьезным, мыслящим людям некогда откликаться – им надо дело делать, быть, как чайки, им в Москву требуется, в Москву, в Москву. Поэтому чертовски рад, что не пропала даром та работа, на которую потрачены лучшие средства.

Герои этой рукописи, встречая меня где-либо, отворачивались, пряча слезы, подавали руку. Оценили по достоинству безрассудство, масштабы открытой мною правды, мою неподкупность, готовность принять в любой момент.

Другими словами, пришло время проститься. Это только в песне поется, что не кончается прогулка. Мы, то есть я, стали мудрее, взрослее что ли. Да и в планах стояло ясно и понятно: сказать то, что на сердце, не больше и не меньше. Честно говоря, раскланиваюсь без страха и упрека, ухожу в небытие, как беженец, под «Прощание славянки» – с надеждой в голосе.

Кстати, о славянках. Упущен был непостижимым образом национальный вопрос. Тем не менее славянки, пожалуй, нравятся больше иных. И не только мне. Славянка – понятие мирового масштаба, славянка – это совесть земли, ее соль, нефть, газ, слюда в конце концов. Пожалуй, хватит о славянках.

Можно поспорить и о других национальностях. Но это, как известно, отдельная тема, впопыхах не обнимешь. Мы же прощаемся, мы уходим друг от друга, говоря проще, расстаемся – прямо как друзья. Итак, последняя глава, отходная. Чем отметить, чем затмить печальное возбуждение от предстоящей безутешной кручины? Спокойно, все под контролем.

Давно не варили самогон. Где это изобретение советского человечества, где эта пузатая скороварка, где ее в транс вводящие свисток, ее пар, обжигающий руки домохозяек и свидетельствующий нормальным людям, что самогон пошел, погнал, падла. По всем своим змеевикам, по конденсаторам надвигается питательная жидкость. Мы все собрались вокруг раковины. Именно в раковине с не мытой еще со времен первой встречи посудой притаилась кружка мира, сосуд расставания, примета обещанной встречи. Тихо, кап-кап-кап, падает в кружку самогон. Напряжение растет, достигает предела. Сухие глаза приглашенных на расставание, на проводы эти, сужаются, из горла вырывается сохраненная на генном уровне татарская речь. У некоторых вырастают на голове волчьи шапки с лисьими хвостами. Кап-кап-кап: женщины притихли – они доят коз, варят хаш на утро, задают корма лошадям и скотине. Где-то в степи вьется над нами кречет. Кречет, я не твой. Я жду, когда кружка мира наполнится первачом, когда разглядятся черты приглашенных и можно будет отхлебнуть с легким сердцем да пустить по кругу. Овечий сыр, кумыс – до хлеба наш кишлак еще не додумался, но соленые огурцы с огорода Марфа набрала в свой без труда подымающийся

подол. Викинги хлебают молча, думая о предстоящем походе, о новых угодьях, о планах на Ботанический сад и ВДНХ. Все, выпито! Кружка торжественно устанавливается на исходную, заструился хмельной сок. Есть время погоревать перед следующим заходом!

Да о чем горевать? Прожили мы вместе не одно трагическое событие, перепили начисто соседнюю улицу, девчонки из города, куда волею случая забросил нас десант судьбы, до сих пор ревут ревмя, как только увидят в магазине этикетку джина «Сигримс» и тоника «Швепс», которыми не без успеха увлажняли мы их. Что нам еще надо? Взгляда Шварценеггера, растяжки Ван Дамма? Вон, за палисадником гудит призывно вокзал: сядь в вагон, выйди в тамбур, распечатай чекушку, глотни – посмотри с укоризной на контролера, схвати за руку вышедшую покурить мать троих детей и одного подонка мужа. Не эта ли судьба зовет в дорогу, не за эту ли дорогу нам положено счастье – ад на земле, рай под землей? Неужели не найдется лишнего стакана и тринадцати капель – налить ближнему, который, как и ты, прочитал чту книжку? Найдется, конечно, о чем разговор... То-то. А мы с вами, стало быть, прощаемся. Мы будем теперь видеться в жизни – хватит теорий, выходим на критерий истины. Вооруженные передовой теорией, опохмелившиеся по всем правилам, с понятливой подругой, которая знает, чем отличается «Карданахи» от «Акстафы» и «Смирновъ» от «Смирноффа». О каком счастье можно еще мечтать! Короче, прощайте, еще увидимся, не приведи Господи.

Рис. 19

Под воздействием паров алкоголя женщины и мужчины начинают радоваться, как дети, и играть в старинную игру "щекотушки".

Часть вторая. ПОЖИРАТЕЛЬ САЛАТОВ. Рецепты в письмах

Первое. ВВЕДЕНИЕ В ОЛИВЬЕ

Ну что, моя родная. С тех пор как ты покинула мое сердце, сердце родины, столицу России, я поправился на восемь килограммов. Твой фатальный отъезд, твоя необъяснимая запрограммированность на разрывы, на подлое бегство, на высокий, благородный поступок пробудили аппетит и без того несминаемый, несгибаемый, вольный, обширный, как дол, глубокий, как Джомолунгма, если смотреть на нее наоборот. Фрикции наших совместных бдений, обрывки утех, отрывки из любимых порнофильмов, рывки, наконец, за 31-м троллейбусом удивительным, спокойным образом перенесли на обычную, со вкусом погруженную в быт жизнь. Я стал неумолимо неуловим, вечно временен – «наспех-наспех» повторяю я перед каждым сном, «быстро-быстро» заклинаю я каждый новый день, с удивлением обнаруживая, что проснулся, что еще жив, что уже голоден. Мне стали нравиться горячие бутерброды, а не скрупулезно обдуманый омлет из трех яиц, но без ветчины, или, как ты ее почему-то называла, бекона (ценил и продолжаю ценить твой романтический взгляд на вещи, особенно на продукты); милее теперь хороший растворимый кофе из стеклянной банки, чем перемолотые зерна сомнительно кенийского сорта, сваренный твоей заботливой рукой с помощью изощренного ума на минеральной воде «Ессентуки». Мне все больше нравятся, вернее, меня все чаще устраивают бары и кафешки, а не столики в томных уголках безвкусных московских ресторанов – нет-нет, дело не в деньгах, не так, как ты, разумеется, если учесть твое бегство, твой вотум недоверия, подумала. Плачу я щедро, за канане со свежей семгой готов отдать довольно круглую для моего жалованья купюру. Мне импонирует (хорошо сказано!) мимолетность, заложенная необязательность, непостоянство. Дело, разумеется, не доходит до фастфуда, но... Однако ты ведь просила несколько толковых рецептов – изволь. Изволь использовать меня и теперь, поощряю твое желание выжать из нашего знакомства последние капельки крови, растительного масла, майонеза. Чтобы ты ни говорила, что я дал не то, предупреждаю: речь пойдет о салатах и закусках вообще, как образе и способе нашего (русского, разумеется) бытия, а также мышления.

Рис. 20

Для салата оливье нужна дичь

Что такое салат? Догадываешься, что смесь, пеле-меле, тутти-фрутти, всякая всячина, пестрый мир. Не то же и наша жизнь?.. Несколько женщин (мужчин) в постели, плюс два-три друга, добавить 36 квадратных метров жилой площади, да общая кухня, да еще отсутствие

горячей воды, а также телевизор, холодильник, телефон: все это вместе разбавлено городским воздухом, сдобрено парой любимых песенок – в конце для остроты добавляется смерть. Салат, да и только.

Я все время отвлекаюсь, все хочу высказаться, ищу и нахожу повод поделиться неделимым, тем, что надо искать и держать в себе, дорожить, не перебарщивать. Короче, первым номером, безусловно, без вариантов идет оливье.

Вспомни, сколько свадеб, сколько поминок, прочих дней рождения и гулянок связано! Оливье вошел в российскую жизнь, как лампочка Ильича, только еще раньше, до обнаружения Ломоносовым на своей шкале электричества. Что может быть лучше оливье? Правильно. Если помнишь, всегда учил тебя, что надо бы соблюсти меру. То же в этом салате – не перепутай компонентов, не нарушь тонких, золотых пропорций, верь мне, слушайся меня (нет-нет – лучше о салате).

Итак, берешь 6 картофелин (средней величины, все будет среднего размера), 3 морковки, 2 луковицы, 1-2 небольших маринованных (не соленых) огурчика, 1 яблоко, 200 граммов отварной курятины или иной дичи (не вздумай по советской привычке употребить отварную колбасу, если она там у вас есть), стакан консервированного зеленого горошка, 3 яйца и 1-2 банки майонеза. Разумеется, картошку, морковку, курицу и яйцо варишь, затем тонко и аккуратно (это-то у тебя получится!) нарезаешь и нежно, как можно нежнее, не как со мной, а как в идеале должно, смешиваешь, помешиваешь, перемешиваешь, смеешься в конце, откидываешь надоедливый локон, откидываешься на спину и благодарно смотришь в потолок. Закуриваешь, если еще не бросила, и ищешь глазами пепельницу. Улыбаешься чему-то, шевелишь губами, подбираешь эпитеты, чтобы выразить эти мимолетные, нестойкие, лукавые, неверные чувства, порывы чувств, смятение. И не находишь, и слава Богу.

Если все-таки соберешься подать то, что получилось, на стол, не забудь украсить тонкими ломтиками огурцов, полосками куриного мяса, сверху – веточка петрушки-укропа, долька яблока. Да, совсем забыл: перед приготовлением не ленись очистить яблоки и огурцы от кожицы. Вкусный это, правильный салат. Это русский салат с французским названием, но они у нас тоже украли быстро – квиты. Таким образом, я вновь отдал тебе почти самое дорогое, любимое.

Ешь на здоровье.

Второе. ЛОБИО. РЕВНОСТЬ

Доброе утро!

Вот уж не думал, что придется снова брать перо, оттачивать стило, заботиться о марках, которые, антре ну, обходятся не дешевле живых почтовых голубей, которые хороши с шампиньонами – но об этом позже.

Твой ответ на оливье, твое живописание застолья, где центральной фигурой послужил мой любимый салат, мой гастрономический фаворит: где твой (уж не знаю как назвать) спутник (ну скажем так), нахлеставшись розового «Вина царя» (между прочим, не верь своему избраннику: даже в наших трехнутых по поводу цен несоизмеримых супермаркетах бутылка VIN DU TSAR не превышает 10 долларов, а уж никак не 89, как соврал тебе твой: или уж он и впрямь кретин), с утра вспомнил только вкус оливье, потому что, проснувшись, блевал именно пищей по моему рецепту (хоть какая-то мне компенсация).

Ну, ты правильно подумала про ревность. Только кое-что изменилось с тех самых-самых пор. Нынче ревность только впрыскивает адреналин – а это полезно для здоровья. Раньше – да, ты права. Но знаешь, не отрекусь и от тех минут, от тех приступов. Долго, еще до твоего уезда, до твоего появления в моей жизни, еще даже до тебя (и нечего улыбаться), я уверен был (не уверен, что уверенность эта прошла), что прошлое материальнее, весомее настоящего, не говоря уже о будущем. Рассуди: что свершилось проанализированно, уложено на полочки, приписанно к доле ностальгии – с

положительным или отрицательным знаком. А так называемое настоящее. Что его ждет в будущем, какая оценка, какое слово, какая гримаска? То-то и оно.

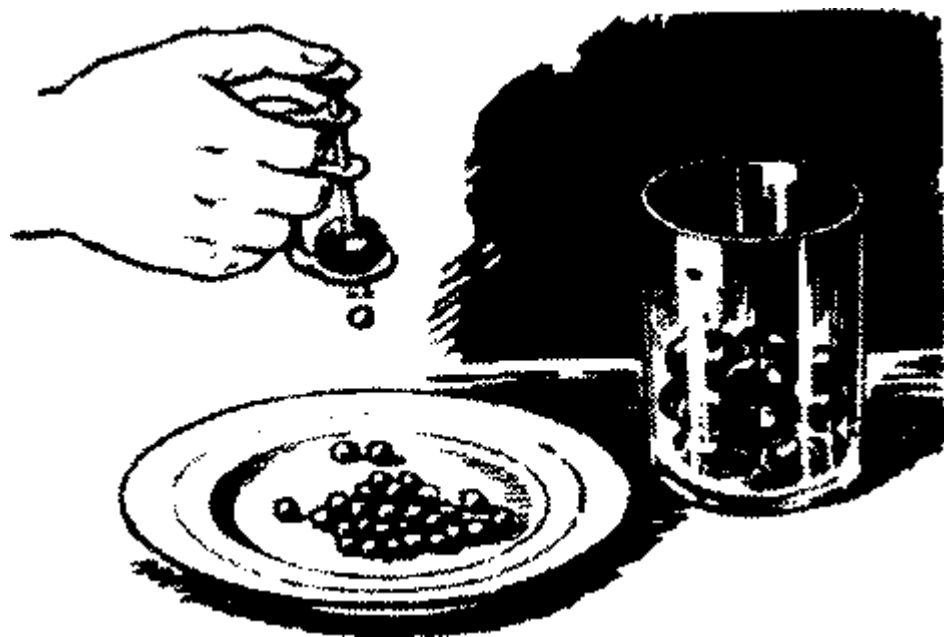

Рис. 21

После удаления косточек вишню можно положить в стакан.

Вспомни, я не ревновал тебя к подполковнику Сергею, хотя ты заезжала к нему на Кутузовский пить пошлый кофе с корицей. Только дураки и эротоманы предлагают девушке пряный кофе из просроченных пережаренных советских зерен и с издевательским названием «Арабика». Твой Сергей был тем и другим, и всем остальным. Поэтому, когда я узнал от друзей, а не от тебя, о твоём заезде, хотя в тот день, по легенде, ты стояла в очереди за куриными грудками, я все понял, но не завелся. Зато кривой поэт, неудачливый и бесформенный художник, высшим достижением которого была вывеска на булочной по улице Чехова, заставляли меня трепетать перед сном, просыпаться разбитым, они настигали в самый разгар рабочего дня – станки вставали, гудки затыкались, Сигаретный дым свивался в колечки и повисал у виска. Становилось до смерти обидно: как же так – они и я. Как ты могла не увидеть в них всю бездарность, скомканность, жеванность; все чернильные и жирные пятна на темной и без того душе: если ты разглядела, выделила, узнала меня? Или не разглядела, не узнала, а так же незряче, наугад, как с ними? В этом месте обычно я покрывался красными пятнами, задыхаясь, бежал в туалет – спрятаться, спрятать рассыпавшийся, как у боксера в нокдауне, взгляд от приятелей. Почему у тебя была другая жизнь, как ты могла ходить по магазинам, стирать, ложиться спать, а иногда – уезжать из дома, чтобы лечь спать не одной? Непостижимо, не поддается синтезу после безжалостного анализа. И главное, как ты можешь теперь, пройдя это все (хотя и не верится), быть рядом, улыбаться и успокаивать, строить планы, ровно дышать?

В детстве учили, что разбитую вазу не склеить – мама заметит ущерб; в одну реку не войти дважды – Фома Аквинский не велит, а ты, как Феникс, как Иванушка-дурачок, из ключевой – в кипяток да в молоко, как настоящая женщине – все еще жива, все еще живешь, все еще со мной. Что мне, гордиться тобой или выпить 65 таблеток тазепама? Зачем ты не верила, что все это любовь, Зачем шипела? Зачем нарочито весело, по-родному говорила по телефону с не-знакомым мне мужчиной? Я ведь был тогда живой, не то что теперь...

Впрочем, я не ошибся. Вот, говорят, самые лучшие, верные жены – бывшие проститутки (сами, кстати, проститутки и говорят). Ну, может быть, в таком случае бывшие и настоящие верные жены – лучшие бляди в будущем. То есть если решил жениться, то станешь мужем или бывшей проститутки, или будущей бляди. Но это – в идеале. Потому что

в основном ты муж либо проститутки, либо бляди, и все в настоящем времени. Полезная философия, согласись. Жаль, что не нашла ты в то кошмарное для меня время нужных слов: надо было всего-то погладить по голове, рассказать сказочку, дать теплого молока на ночь. Можно было задобрить мое второе, отлепившееся, бедовое "я", и но было бы хлопот со мной. Меня тогда можно было бы использовать на всю катушку – воду возить, хлеб косить, я петь мог бы для тебя за деньги. Ты же раздражалась и тем усугубляла.

Дело прошлое. В знак примирения высылаю рецепт лобио – тебе, если не ошибаюсь, нравилось – или не тебе? (Шучу, шучу.) Не мне тебе говорить, что фасоль с вечера надо замочить. Легче она вариться будет, быстрее и спокойнее, тут сразу небольшой секрет: замачивай наполовину в воде, наполовину в пиве – конечный результат превзойдет ожидания, тем более что так поступают немногие особо приближенные лейб-повара. Утром, как встанешь, как растолкаешь сожителя, слей воду из кастрюльки, залей свежей (в полтора раза больше по объему, чем фасоли), поставь на средний огонь. Вариться, предупреждаю, будет изрядно, успеешь выучить десяток новых слов, иностранных слов, и сделать домашний тест на беременность (уверен в отрицательном результате). Потом, когда твой пойдет якобы разменять стодолларовую купюру в банк, нарежь лук, очисти чеснок, приготовь специи, соль и растолки грецкие орехи. Фасоль вот-вот дойдет, займись пассировкой лука. Не жалей растительного масла, в масло (не горячее) брось порезанный репчатый лук – потому до известной аппетитной, золотой поджаристости. Откинь фасоль в большую железную миску (помнишь, как у меня?) и, не дав ей остынуть, залей кипящий в масле лук. Дальше – подави, а не мелко порежь, чеснок – быстро в неостывшую массу (чувствуешь уже, что получается!). Потом – соль, перец (не знаю, может, у твоего сожителя язва?), зелень – по вкусу, по моему вкусу, побольше всего. И изюминка – гранатовый соус, азербайджанский. Ага! Нет его у вас, там быть его не может. Без него лобио – не лобио. Ладно, вышлю вам бутылочку с DHL (шучу). Называется он 77. А-а, черт, всегда забываю... «Шер»..., «Шар»... У Мустафы спрошу, это его мама подсказала.

Можете просто натурального гранатового сока добавить густого.

Пока.

P.S. Я, кажется, тебя больше не ревную. Твой бугай вообще не фигурирует. Так, иногда представлю тебя в полотняной блузке или майке и в летней юбке из такой ткани легкой... ну, скажем, бумазеи. Формы задрапированы, но мы оба ведь знаем, что там... Или ты вечером в короткой юбке, в бесцветных (прозрачных, значит) колготках или чулках, в нарядных дорогих туфлях. В твоих глазах – желание: желание угодить, желание послушно исполнить любое желание, прихоть... Это ведь не ревность, верно? Ты довольна?

P.P.S. Нар Шарап, соус этот, Нар Шарап, вспомнил и без Мустафы.

Третье. ПАДЕНИЕ. МАЙОНЕЗ

Плохо это или хорошо, а письмо тебе пишу.

Привет.

Настроение, не скрою... Вообще, на хрен тебе мои письма. Ты бы хоть гульдены какие прислала, франки-рупии, я бы коллекцию открыл, стал бы знатным нумизматом. А то перевозжу тут бумагу из пустого в порожнее, а ты там, небось, наживаешься на моих рецептах, не удивлюсь, если вообще мои письма под своим псевдонимом издашь. Заголовок уже придумал: «Письма с Родины». С тебя станется.

Говно, конечно, жизнь. Вот сегодня упал. Место ровное, подметенное, без корешка, без задоринки. Но я с руками, полными сумок, – я, между прочим, еще живу, еще питаюсь, кстати, как ни странно, – ну вот, иду из овощного, думаю о гармонии. В том смысле, что достижима ли. Ответ уже подкрадывался, уже проклюнулся вариант, в котором в одной постели две, да чего та-ить, три женщины: без мусульманства там, без религиозных мерзостей, но по полной программе. Раскрепощение, тайники души, закоулки тела – все в

дело! От предчувствия счастья и пот уж прошиб – и, естественно, в этот светлый момент я и навернулся.

Что ты знаешь о падении? Ты о нем ничего не знаешь, о падении, ни в прямом, ни в переносном смысле. Как было со мной.

Вообще падение – сладкая штука. Момент, когда подвернулась правая нога, осознаешь много позже, когда уже поздно, поздно вечером, когда разглядываешь ущерб, разглаживаешь синяки под глазами и морщины в месте ушиба. А в сам момент, в самой точке отсчета тебя еще и нет – ты весь в раздумьях о гармонии. Но нога уж поехала, уж мысли о недостижимом счастье перестраиваются и вплотную занимают предстоящим коллапсом тела. Центральная нервная система недоумекает: зачем это? Все ведь шло так хорошо, дом совсем уж близко, два шага, а тут предстоящее падение! Да и каким оно будет, да и что дельного выйдет из растянувшегося во весь рост мужчины с овощными сумками в руках? К этому ли стремилось тело, этого ли добивалась душа? Душа, как известно, прилагала усилия для гармонии, душа парила, доверившись туловищу, доверив ему путь домой. Что же ты, материальная субстанция, не оправдала, не довела двуединого хозяина до хотя бы постели, где он мог бы вволю падать. Короче, пока спорили две составляющие, я падал.

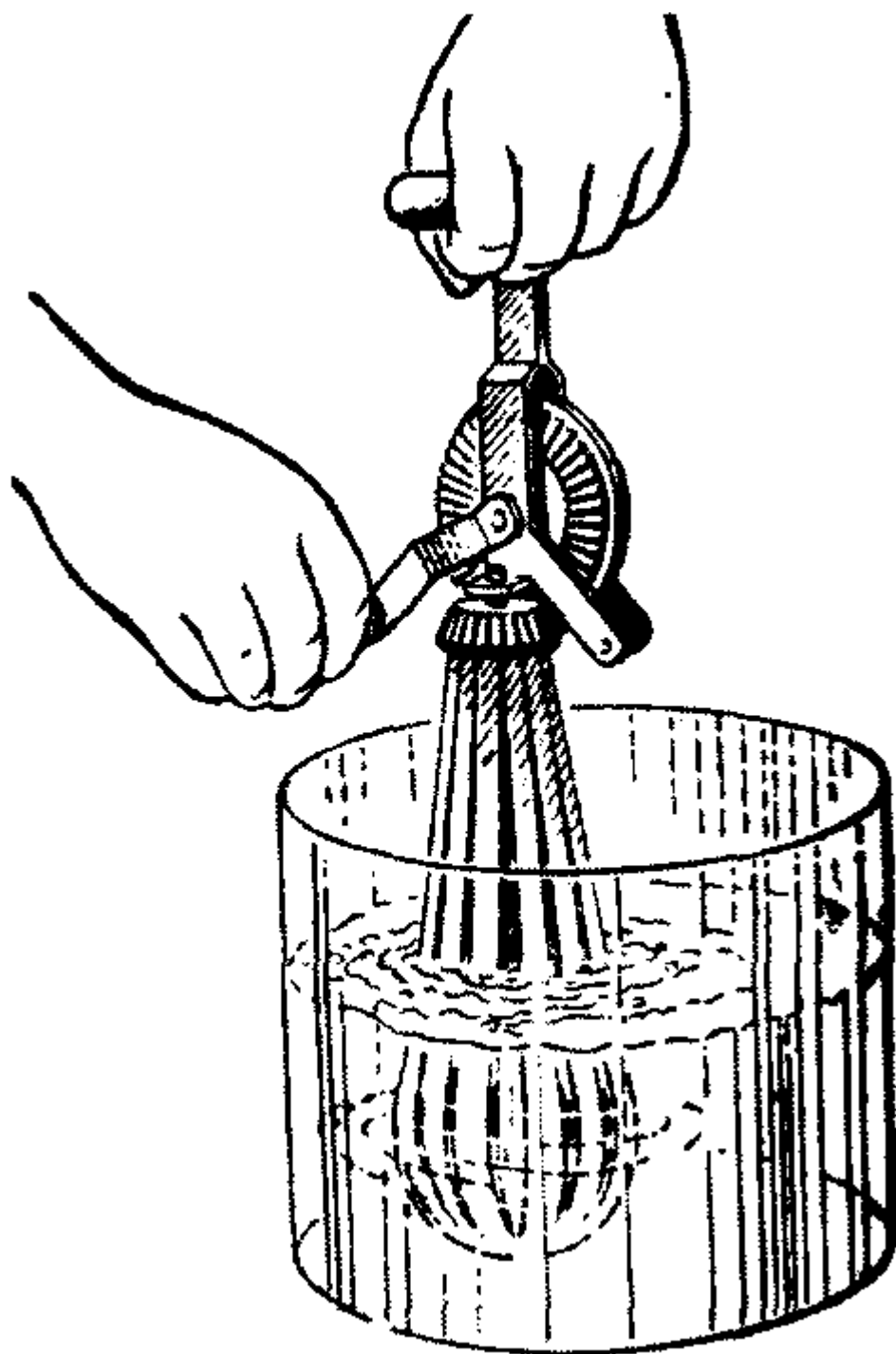

Рис.22

Тщательно перемешайте содержимое

Падал я, по-моему, красиво, медленно, верно. Уже близился закат, уже прилетели не только грачи, но и голуби, уже зазвенели фанфары, колокольни разлили по плоскому небу терпкий звон – я тут как тут, на земле, на матушке.

Как Андрей – лежу, смотрю в небо. Где облака, где война и мир, где я? Не стукнулся ли головой? Не отшиб ли селезенку, легкое там? Обидно, в общем, до слез. Человек не должен падать. Он и летать не должен, но падать тем более. Упавший человек – уже не человек. По нему вполне может уже и червь земляной проползти, и вша пристать, и собака посикать может на него. Человек упавший – это дьявол, это ангел, который, возвращаясь из овощного магазина, поддался искушению отведать земных благ. Падение на землю – репетиция смерти: чуть усилий – и готова ямка, и не надо особенно таскать туловище, а просто подрыть почву да подтолкнуть еще не опомнившегося дьявола дальше, подальше от неба, поближе к земной

оси, где, собственно, и заключен ад. Где, собственно, и место нам, дьяволам и ангелам.

Короче, если честно, вставать не хотелось, а пришлось – продукты могут пропасть, протухнуть, скиснуть, завянуть. Я встал, расправился, громко сказал, что думаю, огляделся и пошел домой. Больно ударился, сил нет.

В общем, тебе не понять. Ты ведь, думаю, даже и не знаешь, что в салате-то главное. А главное – заправка, смазка, соус-маринад. Если не научишься готовить и дозировать – пиши пропало, салатов не будет. А бывает несколько заправок: растительное масло, особая салатная заправка, сметана, майонез.

Ну, тебе, естественно, подавай особую. Да на! Купи 125 граммов растительного масла, столько же граммов 3-процентного уксуса, 15 г соли, 10 г сахарного песка, перца молотого по вкусу, горчицы на кончике, разумеется, ножа, – и в бутылочку, и взболтать, и охладить. Вот тебе и вся особенность. Лучше послушай, как приготовить самой майонез – ваш не наш – плохой, для салата и не годный – только на бутерброды. Итак: выпусти в миску три Сырых яичных желтка, добавь полчайной ложки соли и горчицу на том же кончике, размешай вилкой или веселкой (потом как-нибудь разьясню, что это, пока вилкой мешай). Затем влей то-о-о-о-нкой струйкой немного растительного масла (30-40 г). Все мешай, мешай без устали. Затем долей еще 350 г масла: лей, не жалей. Ну и охлади.

Чтобы все-таки получился майонез (если в твоих руках это возможно), советую: перед процессом хорошенько охлади желтки и растительное масло, прям в холодильник поставь. Вообще растительное масло нужно рафинированное, очищенное, хорошее, одним словом, дорогое, чтобы тебе было понятнее. Мешать, «скручивать» разрешается только в одну сторону, иначе ничего не выйдет, в смысле майонеза. Терпение тут нужно.

Локоть болит, зараза, распух весь, разгорелся. Писать не могу больше, да и нечего.

Помни, главное в жизни – не падать, а в салате – заправка. Это ведь так легко запомнить.

Четвертое. ЛИЦО НАРОДА, ДЕРЕВЕНСКИЙ САЛАТ

Что-то случилось с лицом – у меня. Вот чувствую, понимаю, а в зеркале по всем параметрам – норма, аудиторские проверки не дали результатов. А мне беспокойно, сердце не на месте: боюсь, лицо, физиономия выражает мысли и чувства. Поэтому опасаясь, что какой-нибудь встречный примет на свой счет, хотя будет прав, но все равно, боюсь, побьют.

Да, поздороваться забыл. У нас тут бурно – в стране. Внутри отдельного человека, меня, тоже беспокойно, хотя снится покой, воля и счастье. Терзают мысли, судьбина гонит из Москвы в лес, в пампасы, на древнерусскую природу, к чайкам, ласточкам и тюленям. Пока ты там прохлаждаешься и наблюдаешь свой Уимблдон, ешь клубнику с синтетическими сливками, обсуждаешь с массажисткой неспортивные достоинства нового инструктора по горным лыжам, я думаю о народе.

Да, о нашем русском, многострадальном, об этом неизведанном и непредсказуемом сообществе людей, об этом товариществе по генетической партии с ограниченной ответственностью. Что, собственно, в нем нашли? Что такого сделал наш народ, чтобы всерьез говорить о немислимых качествах и складе души? Сколько книжек в руках держал по истории, ничего хорошего о себе, о народе то есть, не прочитал.

Рис. 23

На столе хорошей хозяйки всегда есть лук и чеснок.

Все какие-то темные времена, смутные люди, ужасные герои, послушные, агрессивно преданные массы. Кроме битвы под Полтавой и игры Чеснокова со Штихом, особых побед и не припомню. Чтобы пожить по-человечески, мирно, зажиточно, с хлебом, маслом, солью и спичками – так нет, сами на себя доносы пишут, сами не выдерживают: в тюрьму просятся за убийства, грабежи, насилие и скрытую рекламу. За что счастье, которое сегодня так обещают? Не вижу достаточной мотивации, причины нет. Или вот говорят, главное выслушать весь народ, тогда прок будет. На хрен? На хрен, в смысле «весь»? Его кто-нибудь видел, этот «весь»? Ни одна перепись не заглядывала в тайники, в закрома, где люди не знают, что есть Бог, что на землю посылали Христа, и в каком направлении надо идти в Москву. Зачем тебе мнение этого народа? Для него порядок, это когда парашу вынесли, а обед в алюминиевой кружке в окошко сунули, когда есть баба – хотя бы одна на троих. Лето – это когда нет дождя, зима – когда ссышь, а струя на лету замерзает. Ты доберись сначала до этого места, переночуй там – тогда и решай, весь тебе народ нужен или часть его небольшая.

Я теперь про народ кое-что понял: живу в деревне, почти сто километров от столицы. По утрам меня будит молочница, то-се, иногда даже молоко и сметану у нее беру. Так вот, молочница в двух словах объясняет ситуацию в мире и в нашем селе Доброе. Кто вчера надрался после просмотра программы «Вести», кого сняли с занимаемой должности, кого послом отправили, с кем в эту ночь спала Лариска, которая у них на сепараторе. Мне этих новостей хватает. Перед ее уходом прошу, чтобы ее же муж зашел после обеда, поправить фундамент надо, ну и как-то компенсировать – распить с ним бутылочку – другую «московской», сладенькой. Молочница кивает – уважить эту скотину надо, а то неудобно. До обеда я разглядываю сорняки перед домом, стреляю из берданки по кузнечикам, ругаюсь матом с подростками, когда они возвращаются из школы. И так далее.

Короче, народ я теперь знаю – и не завидую ему. Иногда даже всепрощенчески склоняюсь к мысли, что правильно сделала: бросила меня и уехала отсюда. Все-таки трудно жить с идиотом среди дебилов. Наверное, деревенский воздух расширил сосуды, растворил камни в желчном пузыре. Благодушно научу тебя сейчас деревенскому салату.

Отмерь 60 граммов картофеля, пол-огурца, маленький стручок желтого сладкого перца, 2 помидора, желательно астраханских, 200 граммов артишоков, 10 граммов маслин, 1 луковицу, полпучка зеленого лука, 150 сметаны, 100 йогурта, 150 сыра, соль, черный молотый перец. Все. Теперь отвари чистый картофель, сними шкурку, остуди. Из огурца вынь семечки, нарежь на кусочки – так же, как картошку. Кастрируй перец (вырежь семена с перегородками), нарежь его мелкими кусочками. Помидоры разрежь на восемь долек

каждый, артишоки отварить, откинуть на дуршлаг, нарезать на четыре части. Нашинкуй лук колечками, взбей йогурт со сметаной, добавив туда репчатый и зеленый лук, сыр. Залей этой смесью нарезанное, добавь салатного соуса (в прошлый раз объяснял, не забыла?) и перелопать, перемешай, воткни ложку – стоять будет. Ешь деревенский салат, вспоминай Россию. Кто будет приставать с национальной идеей, не верь. Если проснется ностальгия, гони прочь, пей реланиум, если не поможет – коли морфий. Лучше стать наркоманом в цивилизованной стране, чем алкоголиком в России.

...С другой стороны, что-то все-таки есть в этой молочнице положительного, необъяснимо нежного, привлекательного, без примеси.

Пятое. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС ПОД СЕЛЕДКУ

Естественно, здравствуй!

Все-таки давай-ка разберемся, кто твой, как его там, по национальности. Сегодня ровно в пять утра проснулся и не мог ни вспомнить, ни решить. Ты его кормишь моими салатами, поишь нашей водкой, гладишь своими, но когда-то российскими и, не без лишней скромности, моими любимыми ладонями, а я до сих пор не знаю, кто он, из какой, наконец, семьи, сколько лет, По какому праву и т.д.

Нет, твою тягу к импорту я помню. Что только ты в них находила, чего тебе у нас не доставало. Еще во времена холодного занавеса, железной войны старалась ты оказаться поближе к иностранным буквам, притронуться норовила к импортной упаковке. А тот американец! Чем он взял тебя, какими способами привлек внимание – ты ведь не знаешь английского? Сегодня, когда проснулся, как озарило: ты тогда не на Грузинский фестиваль ездила, не за бардовскими песнопениями в глушь волжских лесов: тайно, никому не сказав, не попросив прощения у Родины, вылетела по частному приглашению в Америку к американцу. Именно поэтому, когда я мечтал, когда рассыпал перед тобой Канары, Барселоны, Бангладеш и Пицунду, ты, на все согласная, говорила: не хочу в Америку, чего там хорошего. Ты уже была там и все видела – и бигмака, и чикена, и двухэтажные бараки, и европейскую эмиграцию! А если бы он оказался шпионом? Я его видел – с такими данными только в шпионы. Или он тебя завербовал? Американцы коварны и бесчеловечны, на их совести не только фастфуд и Майкл Джексон, они отобрали Аляску, Сикорского, если бы Калашников был таким же, как ты, легкомысленным мужчиной, вмиг бы оказался в Пентагоне.

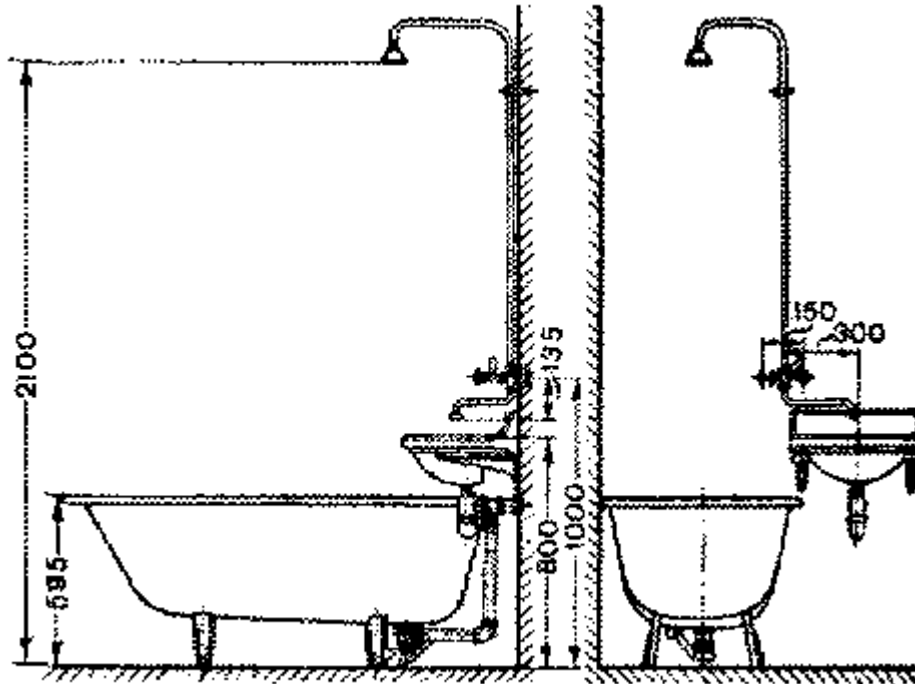

Рис. 24

Перед тем как сесть за стол, врачи рекомендуют принять контрастный душ.

А может быть, твой – грек? Ну, родная, поздравляю, такого даже я от тебя не ожидал. Что может твой грек, эллин твой наших дней? Прыгать со скалы за жемчугом, «поливать» турок и выжимать сок из целого, наивного апельсина? Видел я этих греков: это они отравили команду ЦСКА по баскетболу, они ударили по правой ноге Блохина, чтобы вывести из строя, а потом взяли тренером в «Олимпиакос». Их ухищрения не знают границ, они изворотливы и жестоки, чернявы и кучерявы, бессмысленны, как смоковницы. Как ты могла за грека!.. Или это еврей? Но зачем переться за сомнительным евреем в тьму-таракань, когда совершенно определенные, испытанные евреи имеются на Родине. Захотелось в результате на землю обетованную попасть. Что там, кроме влажности? Арабы? Может, он ко всему прочему еще и араб? Ты всегда мыслила штампами, всегда думала, что арабы – хорошие любовники, а евреи – умные хорошие любовники. Ты мне сама это неоднократно говорила, будто в упрек. Еще у тебя хорваты хорошие любовники, венгры, поляки, ирландцы, шотландцы, наркоманы датчане, голландцы, иранцы, таджики хорошие любовники, аргентинцы, австралийцы тоже. Откуда знала ты? «Читала» – все, что я слышал в ответ. А я, между прочим, тоже читал эти книжки, но про таджиков там слова нет, про иранцев нет (про американцев вообще молчу). Что мне остается думать, ты отбираешь мою последнюю надежду на светлое прошлое.

Не знаю, как сама, а у нас в стране девушки потихоньку начинают разбираться что к чему. На лиц иностранной национальности смотрят исключительно делово, конкретно, с прикладной точки зрения. Рейтинг отечественного производителя растет без протекционизма, без снижения налоговых ставок и ограничения импорта. И за собой начинаю замечать подъем, население не ропщет, а жметесь ближе, проникается патриотизмом – настоящим, не заказным, выстраданным.

Мне жаль тебя: лежишь там со своим еврейским греком и локти кусаешь. Потому что хочется тебе на родной бережок, на милый лужок, а нельзя, гордость не пускает. Потом, я думаю, ты к нему привязалась, чего у тебя всегда было не отнять. Тебе жаль его бросить на растерзание местным женщинам – про них нам тоже многое известно, тоже книжки почитываем. Понимаю, как тебе плохо и скучно в твоём потерянном рае, с твоим

космополитичным Адамом. Ни родить, ни яблока съесть, ни в рай пролезть, не говоря уже о черном хлебе с селедкой, знаменитой русской зиме и известных на всю мировую округу дорогах и пианистах.

Я над тобой сжалился, высылаю «особый рецепт», сама поешь, можешь и ему пару кусочков дать...

Возьми 4 тушки не пряной, маринованной или посоленной сельди (про исландцев ты, кстати, ничего не говорила!), яблоко, заставь грека выжать в стаканчик лимон, прибавь пол-огурца, луковицу, достань пахты (граммов 200) или кефира, соль, душистого перца крупного помола, две столовые ложки винного уксуса, мелконарезанный маринованный огурец, щепотку соли, пучок укропа. Сначала немного вымочи сельдь, если солоновата, тонко порежь ломтиками яблоко, спрысни лимонным соком, порежь огурец, для заправки смешай пахту с уксусом, добавь нарезанный огурец, посоли, поперчи, добавь сахара. Селедку нарежь кусочками по 2 см, раздели между четырьмя порциями, помой укроп, красиво разложи по тарелке, залей заправкой и поставь на полчаса в холодильник. Есть – с картошкой «в мундире», как Штирлиц.

Шестое. САЛАТ ИЗ ПОБЕГОВ ПОДСОЛНЕЧНИКА. СПОРТ

Тебе адреналин не нужен? Могу отлить.

Такое, знаешь, количество гормона страха в организме накопилось, что необходимо поделиться. Что говоришь? Лучше бы других гормонов подсобрал? Грубо, несправедливо. Другие гормоны тоже имеются и по первой тревоге готовы вылететь на место и произвести необходимую зачистку, с применением артиллерии ближнего боя, газа «черемуха» и саперных лопаток. Поняла? Привет, салют. Догадалась, что речь о спорте веду? А то откуда же адреналин – только из состязаний, из боления за красавцев, за гладиаторов наших дней.

Ты ведь не запамятовала исторического момента, когда сборная СССР по футболу просрала голландцам чемпионат Европы? Ты спряталась в туалете, включила душ и часто-часто сливала воду в унитазе, чтобы не слышать моих слов и восклицаний. Да, мы остались без стульев, да, расфигачена была статуэтка «Кузнец» голландской работы начала века, которую потом твой приятель из художественного фонда посмертно оценил в пятьсот долларов. Я признаю, я констатирую. Но то, что ты звонила потом нашему общему другу, психиатру Ивану, и стучала на меня после каждой последующей календарной встречи по хоккею, футболу, после лыжной гонки на 30 км у женщин, не говоря уже о тяжелых периодах чемпионатов мира и Европы, и Олимпийских игр, это подло, подло и неразумно.

А что ты хотела: чтобы я смирился с ситуацией, чтобы без слез и содрогания, без конвульсий наблюдал деградацию спортивной жизни в стране?

Спорт, я тебе признаюсь, он мир – о! После опасного ушиба мениска, после непрерывного страха за растяжение ахиллесова сухожилия, после первой свадьбы я так и не смог ворваться в элиту мирового спорта. Высокие достижения остались в мальчишеских мечтах, но тяга, но воля к победе живы. Их, как говорится, не пропешь, не продашь, не спрячешь. Поэтому обосновалась в душе постоянная тревога: как там, на арене, на площадке, в секторе без меня? Кроме бейсбола, все виды спортивной жизнедеятельности вызывают интерес. Нередко, и никогда не скрывал этого, подставлял себя на место ходока на сорок километров, примеривал прищепку для носа в фигурном плавании, делал (пока тебя не было дома) двойные тулупы, сальхофы на нашем ненатертом паркете из фальшивого дуба. А уж сколько раз поднимался на пьедестал почета с лучниками и метателями молота, и не сосчитать! Честно скажу, эйфория прошла, когда стал мудрым к тому времени глазом подмечать за соотечественниками слабинку, дегенеративную улыбочку, подлинный непрофессионализм.

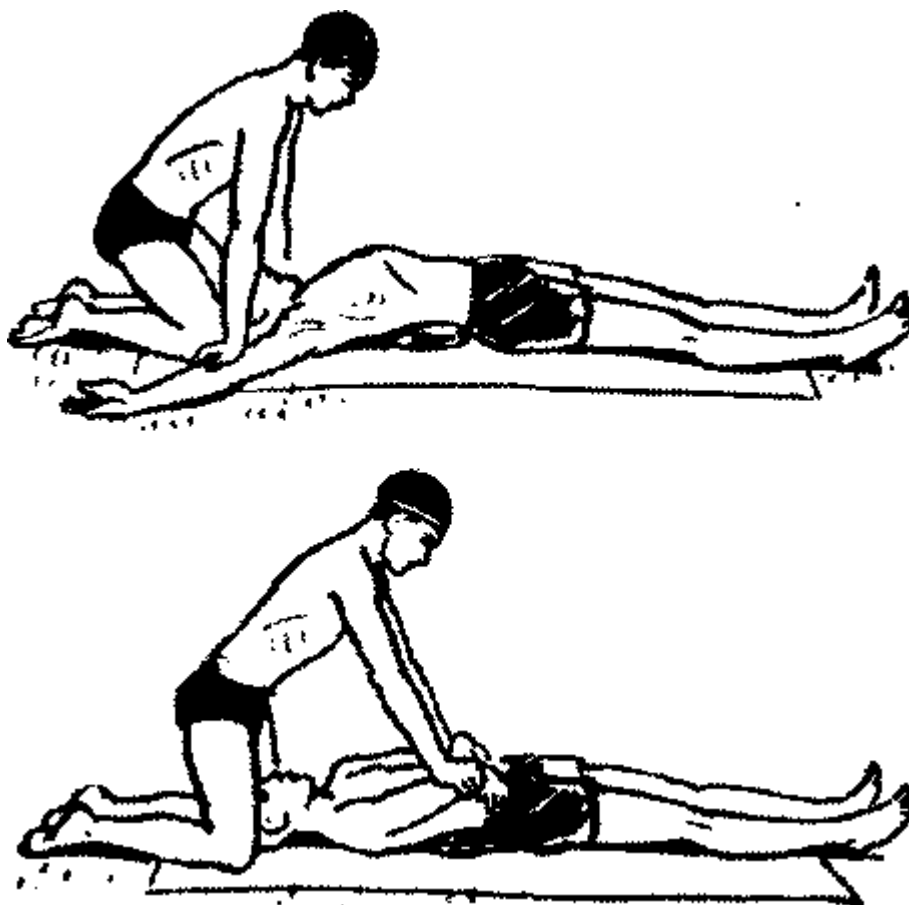

Рис. 25

В случае отравления рыбным салатом или салатом из незрелых овощей, пострадавшего следует раздеть и сделать ему искусственное дыхание. Спасателю рекомендуется в этот момент тоже раздеться и надеть на голову специальную спасательную шапочку.

Все спрашиваю себя: почему наши проигрывают там, где другие выигрывают? Отвечаю: нашим выигрывать не надо, у наших – собственная гордость, другие цели.

Наши собираются в спорт, как комсомольцы в свое бюро, как партийцы в оргкомитет, как говнюки в правительство. То есть предмет не интересует, важно, что место прибыльное, кроссовки выдадут, витаминный укол в жопу пропишут. Я тут слушал одного чемпиона. Он говорит, мне надо, моя самая заветная спортивная мечта, чтобы отдыхать всю жизнь и чтобы денег на это хватило, а также желательно ни хера не думать ни о чем. И лыбится, сука, в камеру.

И этим людям я верил, я им доверял самые сокровенные крики души, я выбирал их, а не сауну в Лужниках с заплаченными девками: торопился к телеэкрану, как последний засранец, покупал билет на стадион. И только в конце середины жизни узнал, что все эти люди просто хотят отдыхать. Они просто комсомольцы, инструкторы в деревенском клубе. Ты подойди к спортсмену высоких достижений и, не дай Бог, спроси: за какую команду болеешь? Девяносто процентов ответ: а я ни за кого, братан, не болею, я в спорте не разбираюсь, прости. Блин, а чего тогда с них требовать, если они в спорте не разбираются, если у них у самих адреналин не выделяется, а только желудочный сок? Поэтому, если ты еще следишь за своим любимым пинг-понгом, брось это занятие, побереги силы и здоровье.

Кстати, о здоровье. Мне не нравится твой последний почерк. Дрожь видна, неуверенность в избранной витаминной схеме. Создается впечатление, что по ночам ты кашляешь, что у тебя проблемы с пищеварением – или это чисто женское? В любом случае высылаю рецепт полезного для здоровья салата из так называемых злаков, а проще говоря, из пророщенных семечек.

Для начала вспомни природоведение. В четвертом, кажется, проращивали фасоль,

которая потом догнивала в тряпочке. Вот-вот. Только на этот раз будут семечки, зерна, по-научному – подсолнечного цветка. Думаю, времени у тебя до фига, поэтому, не откладывая в долгий ящик, купи семечек (разумеется, нежареных), засыпь их в банку, залей водой и дай постоять часа четыре. Банку потом закрой марлей, слей воду и оставь на окне дня на три: каждый день банку нужно переворачивать и заливать семена водой на десять минут. Если повезет, семечки прорастут, не протухнут – значит, можно готовить салатик.

На сковородке в растительном масле обжарь 300 граммов лисичек (такие русские грибы – шутка), пару зубчиков измельченного чеснока и мелко порезанную головку лука, посоли и поперчи. Потом приготовь заправку: смешай мед (2 столовые ложки), 4 столовые ложки уксуса, 2 столовые ложки соевого соуса, добавь немного растительного масла. Помой и порежь 400 граммов салата и 40 граммов кресс-салата. Обжарь 50 граммов непроращенных семечек и смешай их потом с проращенными (те же 50 граммов). Соедини салат, лисички, семечки и залей заправкой. Ешь, выздоравливай. О спорте не думай – о нем я думать буду!

Седьмое. ПЕРВЫЙ ОТВЕТ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ ТУНЦА

Слушай, я совершенно отчетливо вижу твою физиономию, когда в этих своих ужасных тапочках ты спустишься к газетному ящику и достанешь это письмецо. В конце концов свинством было бы не ответить: смеяться или злиться, но твои рецепты имеют успех. Мы часто зовем гостей, среди них известные персоны – кто-то знаменит сам по себе, такой всеобщей знаменитостью, другие были и в НАШЕЙ квартире в Москве.

Распавшись на две неравные части моя жизнь вдруг стала цельной – для меня, внутри меня. Нет ностальгии, есть нежность к прошлому, есть ощущение, что все это происходило со мной, что это далекое и невероятное принадлежит мне – главное, я готова за все отвечать. Я узнала (без посторонней помощи, не думай), что нет ни любви, ни верности, ни измены. Они есть – не снаружи, не внутри, а в стороне, рукой подать. Поэтому стало легче дышать, ходить по чужим улицам, жить с чужим человеком. Ради этого стоило пойти на нелюбовь, измену.

В остальном здесь тепло, мы действительно переезжаем с места на место, нам нравится. Ты хотел узнать, кто он. Изволь – лично мне это не вполне известно. Обзовешь циничной, но не в курсе, чем он зарабатывает. Средств нам хватает, и даже если его схватят за торговлю наркотиками, нефтью, за совращение малолетних датчанок и взрыв нью-йоркского торгового центра, не пропаду: уже подкопила, да и в брачном контракте кое-что оговорено. Он неказист, внешность абсолютно неопишима – он из другого мира, до того, что когда просыпаемся рядом, вздрагиваем оба – не узнаем, не понимаем, что у нас общего. Только после чашки кофе свыкаемся, припоминаем подробности, начинаем разговор.

Ты знаешь, как я мечтала купить хорошие туфли. Честно, наполовину ради этого вышла за него замуж. Представь – не купила: нет, отсутствуют. Мораль: ради пары туфель замуж выходить не стоит. Здесь нет ничего лучше, чем у нас, – другое, чужое, экзотически привлекательное. Зато лучше концентрируешься на себе, начинаешь понимать, что ты – главное, что не обязательно читать умные книжки, ловко излагать. Можно просто, перестроившись, залатав кое-какие пробоины и пробелы, молча (!) доживать век, бороться с морщинами – на полном серьезе, не стесняясь этого; прислушиваться к желудку; сладострастно бегать утром и перед сном в местном парке.

Рис. 26

В походных условиях готовить салаты не рекомендуется.

Тебе в утешение – в новом замужестве я живу совершенно одна, я счастлива. О сексе даже говорить смешно – это как комплекс витаминов: не то чтобы необходимо, но холодно, сухо. Либи́до – простой диагноз, с которым здесь все смирились и тащат крест. Выйди на улицу в полночь: ни одного оргазма не услышишь, ни стончика, ни чмока. Это не Латинская

Америка, не Африка, даже не Россия. Что лучше? Плевать – лучше, как тебе удобно. То, что они столько про секс снимают, – это исторические фильмы, они любят вспоминать, как было. Так что на этот счет расслабься.

Да, салаты твои пожираются, за ушами трещит. Не скрою, выдаю за свое «ноу-хау». Не хочу быть в долгу: попытаюсь презентовать один салатец, который подарила моей семье расчувствовавшаяся до невероятных размеров небезызвестная тебе певица Рут Маккартни. Мы в тот момент находились в Штатах, что-то пили в апартаментах Марика, которого ты тоже обязан помнить. Ну вот, узнав о салатах, расспросив о тебе, женщина выпила четыре дозы чего-то там и заявила, что тоже любит готовить салаты. Не знаю, салат ли это и правильно ли я запомнила (по твоим данным, я же полная кретинка), но дело должно быть так.

Ты берешь спинки тунцов (по количеству едоков), крупный картофель (режешь на кружочки), достаешь черри-помидоры (мельничкие такие), покупаешь на рынке розмарин, там, чеснок, уксус (ты любишь винный, помню), варишь фасоль. Потом перетираешь чеснок с розмарином, можешь добавить орехов. Размельченное заливаешь уксусом – это заправка. Потом в хорошем растительном масле последовательно обжариваешь ломтики картошки, помидорчики, отдельно занимаешься обжаркой приправленных перцем и т.д. (по вкусу) спинки тунца. Дальше заправляешь фасоль, на блюдо выкладываешь картошку, помидоры, фасоль. Отдельно или сверху помести тунца – воткни веточку розмарина, не забудь.

Да, понимаю, это не салат в нашем понимании, где все перемешано и майонез стекает с края миски. Зато грациозно и питательно. Думаю, ты оценишь. А не оценишь – тоже не беда, главное, мы в расчете, ну хоть немного. Жду от тебя продолжения салатов. Твои письма очень милы. Целую воздушно.

Восьмое. НЕТ РЕЦЕПТА

А незаметно время пролетело, да?

Тут перетряхнул, пересмотрел папки, скалькулировал: все главное сказал, основополагающие салаты тебе передал – не пропадешь там, там-тарам-там-там-там. Я сошел с ума. Мне все больше и больше нравится жить в предлагаемых обстоятельствах. Недавно подвернул ногу, прямо на улице, на глазах у равнодушных пешеходов. Как положено, вскрикнул от боли, присел в невыдохнувшуюся с прошлого года лужу. Разумеется, никто даже руки не подал. Сижу в воде, предчувствую застужение некоторых органов, от боли свело мышцы моего мужественного лица – не способен попросить о помощи дружелюбно торгующего капустой и дыней узбека. Честно говоря, больше всего в этот момент испугался внезапных заморозков – погода у нас тут такая переменчивая, только успевай перчатки менять. Хорошо, подошел ребенок из соседней квартиры. Говорит, дядя Коля, нате газету, почитайте про карликов. Меня карлики и спасли.

Очнулся, собрался, разжал зубы: Павлик, говорю, милый, сбегай куда-нибудь, позови врачей. Мальчик догадливый, сука, привел милиционера, причем достал где-то тульского омонивца, задержавшегося у нас со времен пальбы по парламенту. Мент, честно говоря, сразу мне по башке двинул. Не дубинкой, конечно, но все равно, рукой. Потом вежливо спросил, чего я уселся. Как мог объяснил. А он мне: пацан сказал, что ты тут каждый день кочуешь, детям глупости показываешь...

Приехали врачи, смотрят, удивляются – чего я улыбаюсь. Я ведь, когда с Пашей (омоновец) разобрался, просто обрадовался, снова жить припеваючи стал, поверил в перспективу освобождения от лишнего. Повеселел. Потом в Склифу привезли – тоже повезло. Хирург рассказал, что дежурил всю ночь, очень устал, хотя больных не было. «Но и знакомых медсестер не наблюдалось», – резонно объяснил и дернул за стопу.

Домой вернулся на такси, заварил чаю, придумал, как отомстить Павлику, тем более что его мамашу уже четыре месяца... Нет, с Павликом не будет проблем. А, ну и о тебе вспомнил. Спасибо за ответ, все было очень мило. Я тоже другим человеком стал, даже от салатов на

некоторое время отрекаюсь. Мне музыка теперь ближе. Не поверишь, слушаю классику. Наслаждаюсь. Что скрывать, два стакана перед любым прелюдом или там частью симфонии – обязательство. Я пытался даже Эдика из автосервиса приобщить, наливаю ему двести сразу и по сто пятьдесят каждый следующий раз. Эдик в музыке разбирается, не отнимешь. Он даже подпевать начинает, особенно на Малере почему-то. У меня песни не складываются, да и ближе простое, знакомое с детства: Свиридов, Чайковский, Моцарт. Главное, все это принимается с благодарностью к людям, которые не только написали ноты, но и проложили сначала провода, потом трубы, потом не забыли изобрести радио – и вот музыка в эфире. Чудеса!

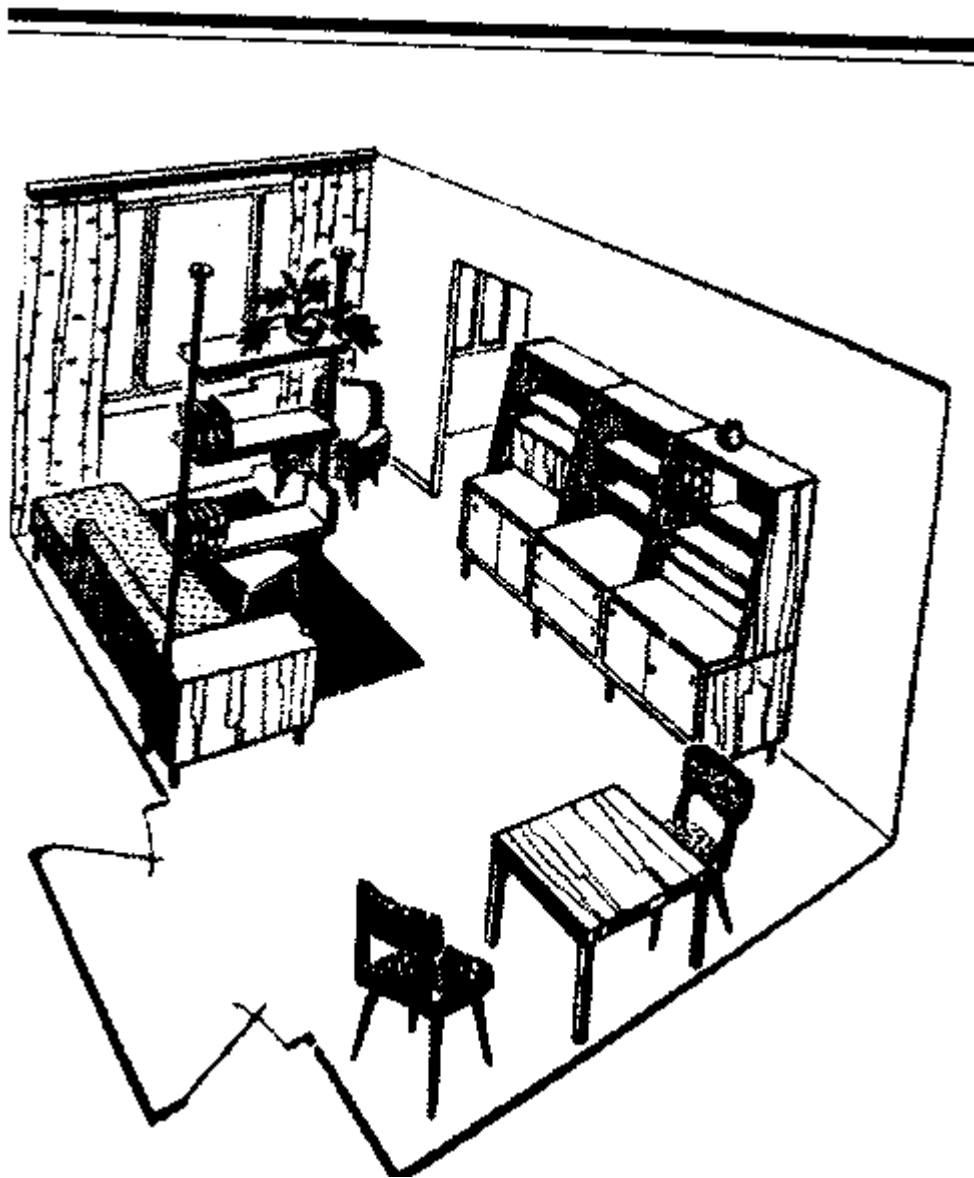

Рис. 27

Комната холостяка. Вид из верхнего угла

Меня беспокоит общая ситуация. Вот сейчас играет Шуберт. И что? Шуберт умер, а мы все еще живы, а музыка тоже не умерла. Или Шуман. Шуман пока не играет, но очень жду, очень надеюсь, что будет. Потому что, когда придет Эдик, включат Малера. Я, как уже сказал, не против этого замечательного композитора с короткой, но интересной судьбой. Только почему-то начинается резкий кашель с первыми аккордами. А Эдику ничего, он поет, я об этом как-то тебе уже писал. Вид из окна. Ну и что? Не всем повезло наблюдать архипелаги, Нам еще немного прибавить чистоты, немного еще расставить плотных туалетов в го-роде –

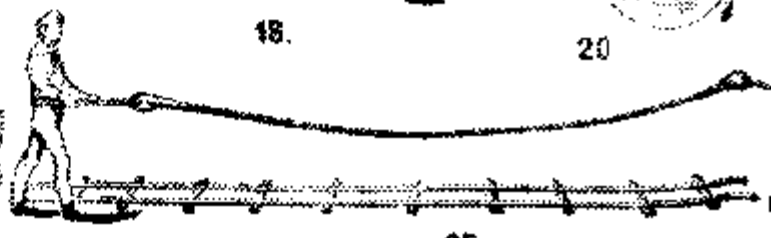
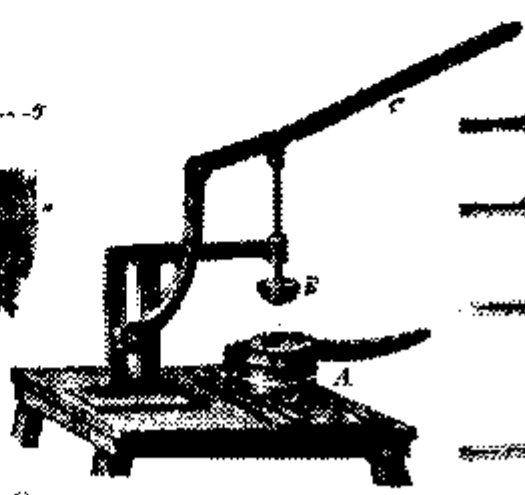
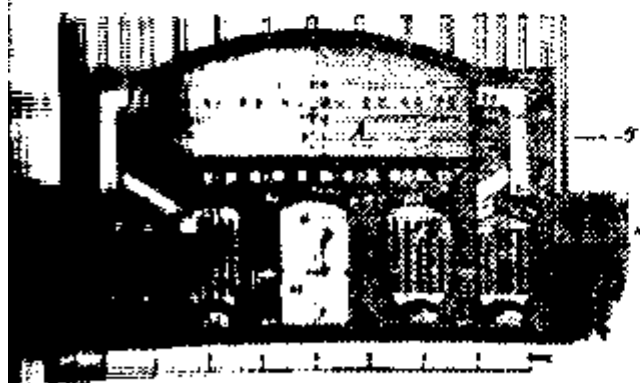
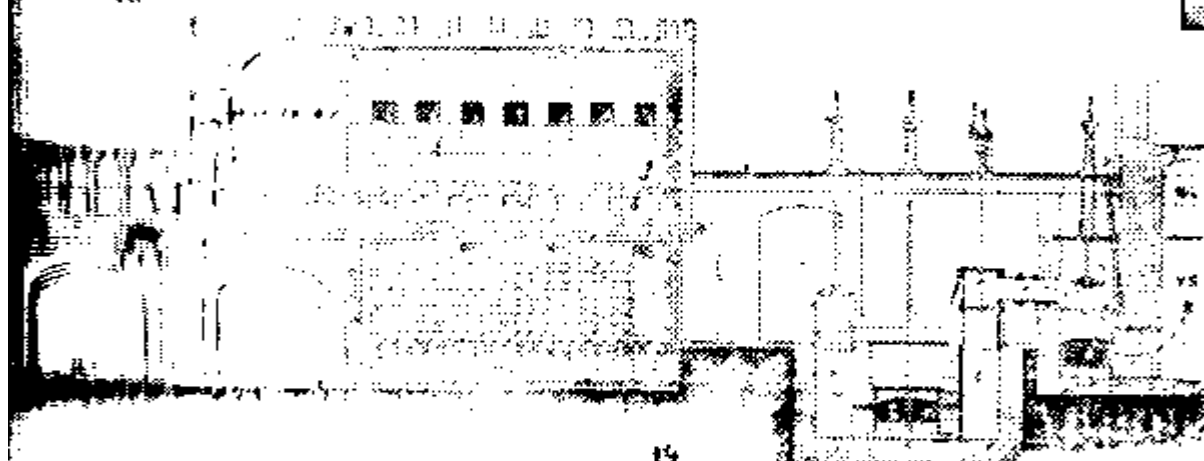
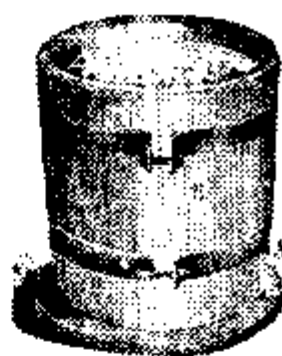
заиграет жизнь на трубах Шостаковича. Я тогда вообще перестану из дому выходить. Мне главное будет знать, что все у ребят во дворе нормально: есть где и выпить, есть где и поссать. А когда к нашему подъезду, наконец, протянут электричество, проблема будет решена. Прозреют мужики и бабы, наполнят слезами выдавшие виды глаза, раскроют рот, двинут навстречу друг другу и – обнимутся. Но без похоти, без прихоти – по-людски, как люди, я имею в виду.

И тогда я тоже спущусь. И заиграет радиола, и затанцуют пары, и встанут из гробов, выйдут из тюрем все, кто тут жил. Мы, живые и свободные, не удивимся. Мы их тоже обнимем, обласкаем словом и взглядом примем. Усадим за длинный стол, уставленный бутылками с водкой, красным, белым вином. И тут вступлю я со своими салатами: и лобио приготовлю, и оливье состряпаю, и майонеза наварю – хватит надолго. Мы после будем танцевать. Кому захочется, поднимутся в свои и чужие комнаты, другие займутся разговорами и прочими подвигами. Это будет до утра и всю жизнь.

Но только тогда я спущусь, только. До того времени меня не будет, и забудь адрес, смахни из памяти дорогу сюда. Салаты не главное, музыка тоже, как выясняется, не вечна. Вот играет вместо Шумана Шопен известное свое сочинение – что ж теперь, умирать?

А умирать так не хочется, дорогая, если бы ты знала, как не хочется умирать. Я и не умру, обещаю тебе. А вот и Малер – придется нам попрощаться. Малер он чужих ведь не жалует.

Приложение. КАК СДЕЛАТЬ СЕБЕ БУТЫЛКУ

17.

25.

Рис. 28

Взять кусок стекла(1). Загнуть верхний край (2). Склеить между собой два спичечных коробка (3). В бочку насыпать песку (4). Поступить в стеклодувное училище (14). Через три года взять трубочку и попробовать надуть бутылку (21). С первого раза бутылка не получится (23). Взять другую трубочку, потренироваться (24). Пойти на вокзал и купить билет в Германию (15). Устроиться оператором по толчению стекла (18). Опять потренироваться (20). Вместе с напарником выехать за город, встать на железнодорожные пути и приготовиться по команде дуть (25). Вот и получилась бутылка! (22). Примечание: практически бутылка может выйти только в Германии.